

ЛЕВАЯ РУКА БОГА

Что произойдет,
когда подростки получат
настоящую Силу?

АЛЕКСЕЙ ОЛЕЙНИКОВ

Алексей Олейников

Левая рука Бога

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Олейников А. А.

Левая рука Бога / А. А. Олейников — «Автор», 2015

ISBN 978-5-17-087337-1

Мир возможного будущего. Новый Российский Союз находится в глухом противостоянии со странами Запада. Лишенный доступа к высоким технологиям, в жесткой гонке вооружений, НоРС бросает все свои силы в неизвестные области знания, где наука смыкается с верой, в тонкие пространства, где дремлют силы, которые лучше не будить. Чтобы попасть туда, мало термоядерных реакторов и гигаваттных установок. Нужна вера – такая откровенная и безоглядная, какая может быть только у детей. Но что произойдет, когда подростки получат настоящую Силу? Что они выберут, на что решатся, если внутри каждого – его собственная ядерная бомба обид, страхов, надежд и мечтаний?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087337-1

© Олейников А. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	30
Глава седьмая	37
Глава восьмая	41
Глава девятая	46
Глава десятая	49
Глава одиннадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Олейников

Левая рука Бога

Свет во тьме светит, и тьма не объяла его

Иллюстрация на обложке *Гориковой Натальи*

© Алексей Олейников, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава первая

- Держи поле, ты... москвич!
 - А я что делаю, – пробормотал Денис.
- Задача была проще некуда.

Представить себе июньский луг. Вечер, багровая полоса заката пролегла над дальним лесом, узкие облака, снизу прогретые закатным светом до розовато-белого, сверху темно-сизые... нет, не черные, а сизые, темно-синие с серым. Стоп, за облака отвечает Катя, вот пусть она и возится с ними, и с небом, и со звездами.

Сколько звезд на небе, спросили мудреца. Столько же, сколько волос на моем осле. Не веришь, пересчитай. Не отвлекаться!

Луг, темной слитной массой ложащийся под копыта коней (тут Аслан перестарался, лапищи у коня как у слона, а всадник так и вовсе ростом с сосну). Луг, огромное, несчетное множество трав и цветов, сцепившихся белыми нитями корней, вросших друг в друга. Луг был един, он был живой, в его ковре ежесекундно вспыхивала и гасла жизнь: кроты и черви, жуки и бабочки, муравьи и кузнечики – все торопились жить, прежде чем их накроет тяжелое копыто.

Два всадника ехали по полю навстречу друг другу: витязь в русской броне и богатырь в кавказской кольчуге, с тигровой шкурой на плечах. Кони фыркали, звенели уздечками – Денис мимоходом позавидовал: так удерживать образ, и Ярик и Аслан круты.

Ну вот, опять! Стоит отвлечься, как луг начинает распадаться, дробиться на отдельные островки, меж которых проступает бархатная темнота рабочего объема. Ярцев торопливо восстановил целостность образа, успел, прежде чем кони вступили в темноту – иначе все, сразу занавес.

Пробежался по тысячам зеленых струн-стеблей, коснулся невидимыми пальцами засыпающих, закрывающихся цветков, внутри которых качалась невесомая пыльца.

А теперь ветер – Денис дунул, и ветер пошел гулять по полю, погнал тяжелые шелестящие волны, поднял в воздух сотни светлячков. Медленные зеленые огни взвивались над лугом, вспыхивали под копытами коней, кружились вокруг латников...

– Стоп!

Картинка погасла, Денис поморгал, процеживая темноту ресницами. Постепенно в углу проступило светлое пятно – рабочее место устроителя вертепа, Натальи Юрьевны.

Она наигранно держалась за голову.

– Что за балаган ты устроил, Ярцев?

– Полет светляка, ария первая, – попробовал отшутиться Денис.

– Второй раз создание образа срывает, – возмутился бас в другом углу. – Вас в Москве вообще учат?

– Ага, Аслан, ты сам попробуй луг сделать, – вступил в разговор женский голос. Это Катя. – Думаешь, если шкуру кошки сочинил, так ты на коне. Конечно, она половину твоего образа закрывает, такую модель первоклашка удержит. Детализации ноль, текстура ни к черту...

– Слушай, ты, главная по облакам, молчала бы, – посоветовал Аслан. – Ты вообще облака копируешь и вставляешь, одно и то же по всему небу.

– Да у меня ни одного одинакового облака нет! – возмутилась Катя.

Наталья Юрьевна хлопнула в ладоши. В зале школьного светового вертепа вспыхнул верхний свет. Сидящие на ложах заворочались, потянули с головы сеточки мыслеуловителей.

Аслан Мацуев пригладил волосы, зло посмотрел на Дениса.

– Наталья Юрьевна, давайте вернем Федора? У нас первый показ «Прометей» на носу, а Денис задник точно не удержит. Там же не луг, там горы. Кавказ! Ты хоть раз горы видел, москвич?

– А разве мы сейчас не на Кавказе? – удивился Денис.

– Так, закончили, – сказала устроительница. – Ребятки, ничего смешного нет. Ярослав – образ устойчивый, но без огонька. Ты явно о чем-то другом думаешь.

Ярослав Щербаков, невысокий парень с густыми соломенными волосами и какими-то несоразмерно мелкими чертами лица, ничего не ответил. Только медленно заморгал белесыми ресницами.

– Катя, в небе должно быть больше выразительности, яркости. Небо должно душу вынимать от одного взгляда – это ведь задний план, на котором разыграется битва. А у тебя там травоядные облачка.

– Там все гармонично, – возмутилась рыжая Катя.

– Больше страсти! – потребовала устроительница. – Теперь ты, Денис. Все плохо. Денис, я понимаю, что луг – это сложная задача, тем более для новенького. Но я видела записи твоих сцен, в московском вертепе ты был в тройке лучших. Слишком много думаешь, Денис, отвлекаешься.

– Если он лучший, какие же там остальные? – фыркнул Аслан.

– А ты, Мацу ев, слишком много говоришь. Для человека, у которого явные проблемы с соразмерностью образов. У тебя конь размером с мамонта, Мацуев.

– Это мое авторское видение, Наталья Юрьевна.

– Все, летите, голуби, – скомандовала устроительница. – Завтра пробный прогон «Прометей». Соберитесь!

Денис отклеил присоски мыслеуловителей от холодной кожи, поднялся с ложа, но уходить не торопился. Сидел, оглядывал комнату светового вертепа. Стены, оклеенные звукопоглощающими пластинами и обитые черной мягкой тканью. Черные стены, черный пол, черный потолок. И огромный сверкающий конус излучателя под потолком. По углам – четыре ложа для игроков, выгороженный угол устроительницы. И больше ничего; все сложнейшее оборудование было скрыто в стенах.

Когда выключали свет, темноту можно было ложкой черпать и по банкам разливать. А потом первая искра стекала с конуса излучателя, но не исчезала, а разгоралась, подхваченная одним из игроков. Он бережно раздувал ее в свой образ, приращивал один за другим световые витки к создаваемой картине. А остальные тем временем срывали свои искры и лепили свои образы, и все это постепенно соединялось в одно большое полотно – живое, дышащее, меняющееся.

Почему-то световой вертеп был в обязательной программе как его московского гимназия, так и суджукского, куда он перевелся. А в «общаках» его и в помине нет. Интересно, почему?

– Ярцев, дуй отсюда, – нахмурилась Наталья Юрьевна.

Денис спрыгнул на пол.

– Яблоко хочу, – заявил он. – После вертепа всегда так. У вас нет?

Наталья Юрьевна скорчила гримасу и махнула измерителем, которым снимала показания с конуса.

Денис увернулся и выкатился в коридор. У стены, в уголке, стояли Мацуев и Катя Локотькова. Катерина, сверкая серыми глазами, тыкала пальцем Мацуева в солнечное сплетение и что-то говорила.

И Аслан, о диво, слушал ее внимательно, только кривился в ухмылке, но это же Мацуев, гордый вайнах, он не может иначе...

* * *

Денис вспомнил первый день, когда он вошел в стены гимназия номер один города Суджука «Зарница». Они как раз закончили переезд, в конце серпня, отец его все время по-старому именовал августом. Неужели так трудно запомнить правильные названия?

Двухсаженный забор с фигурным гербом Приказа общественного развития и благоустройства – кругомер-циркуль над книгой, вписанные в круг. За забором – школьная площадь с вылизанным добела серым покрытием, зеленый прямоугольник телостройной площадки, флаги города, гимназия и государственный, черно-желтый флаг НоРС.

Герб ПОРБ на заборе повторялся, опоясывал школу. Утреннее солнце выползло из-за гор, и искаженные длинные тени кругомеров шагали через двор по подстриженным кустам самшита, приземистым соснам, по клумбам и скамейкам.

Его ждали у входа. На утреннее построение он не успел, казенный гимнасический духовник уже отчитал молебен и отпустил окормляемых чад по классам. Плохо, конечно, но можно списать на первый день. Заблудился в городе, пошел в сторону моря и не вернулся...

Пелагея Валерьевна, заведующая по безопасности, завбез в привычном школьном просторечии, сухая дама лет сорока, выслушала его сбивчивые оправдания, поджав губы. Вручила гимнасический числоключ – пропуск и ключ от именного шкафчика. Денис расписался за «таблетку» – школьный светолат – и пошел на край долины у моря искать дичины. В смысле, в класс в сопровождении завбеза. В усилителях под потолком привычно гремела государственная песнь. Под «Славься, Отечество, наше единое» малышня старалась идти спокойно, но то и дело срывалась в мелкую рысь, которая мгновенно – до дыма в подошвах – переходила на чинный шаг при виде завбеза.

* * *

– Здравствуйте, ребята, это наш новый ученик, Денис Ярцев, он приехал из Москвы и будет учиться в нашем классе. Садись, Денис, выбирай любое место.

Классы в этом здании были большие, старые, а в девятом «А» от силы человек двенадцать. Гимнасические привилегии. Если бы это был «общак», общеобразовательная народная школа, каких полным-полно на окраинах Большой Москвы, здесь не то что яблоку, смородине упасть было бы негде. Но тут уж все честно, по Сеньке шапка. Какой у тебя жизненный разряд, какие способности, такие и возможности.

Хочешь в гимнасий – будь добр, сдавай испытания. Хочешь сменить работу – сдавай испытания. Думаешь, что можешь достичь большего – сдавай испытания. Хочешь выйти из доли иждивения – разряда населения, который кормит, поит и одевает государство, – сдавай испытания.

Каждый год в июне ПОРБ запускает общенародные испытания для детей и взрослых. По итогам можно перевестись в школу более высокого уровня, подняться в должности или заработать надбавку к жалованию – зарплата ведь тоже от показателя жизненного разряда рассчитывается.

* * *

...Ага, садись, Денис.

Пустых стульев полно, а сесть некуда, все правильные места заняты. Он чувствовал равнодушно-оценивающие взгляды парней, заинтересованные – девчонок.

Тянуть было нельзя, и Денис выбрал место в середине класса, у окна, рядом с рыженькой полноватой девчонкой. Та уставилась на него, как на невиданное явление природы, и до конца дня Денис регулярно ловил взгляд ее быстрых серых глаз.

Судя по удивленно-разочарованным взглядам остальных девушек, он сделал неправильный выбор.

В светоплат ему немедленно упала пара предложений о дружбе, приглашение в круг класса, несколько дурацких писем от гимнасической сети, еще одно приглашение в содружество «Суджук-навсегда»... Тоска.

А на втором уроке под ладонь легла узкая желтая полоска.

Денис так удивился, что с трудом прочел.

«Я Катя» – писала соседка Катя.

И кто сейчас царапает от руки?

Денис бросил короткий взгляд на девчонку, встретил такой же мгновенный выстрел серых глаз и вздохнул. Взял ее фиолетовый карандаш, с трудом вывел:

«И?»

«Хочешь, я покажу тебе город?»

Денис пожал плечами. Черт, почему бы и нет?

«Давай».

Катя прямо расцвела.

* * *

...С тех пор уже три месяца прошло, а зима будто в эти края и не торопится. День был ясный, прозрачный. Деревья в сквере сбросили листву и, окунув в светлое небо темные пальцы ветвей, качались на ветру. В Москве уже дожди зарядили, а здесь, в Суджук, такая теплынь. Начало месяца осень, по-старому стилю – ноябрь.

Понедельник. Седьмой урок.

Денис сидел у окна, смотрел, как на игровой площадке носятся второклашки. На груди у каждого горел яркий, с ладонь величиной, круглый нагрудник. У малышни был урок телесности. Если кто-то выбегал за пределы игровой, нагрудник начинал мигать красным и противно пищать. У пацанов явно чесались руки их посрывать, но поди попробуй – разорется громче сыскного вопила. Штатный учитель телостроя дядя Миша зорко следил за мелкими, помахивая световым поводком. Разговор у дяди Миши был короткий – чуть какое нарушение порядка, и короткий выстрел поводка закрашивал нагрудник багровым. Три выстрела – и запись в школьный раздел личного дела.

Стекло померкло, затянулось матовой пленкой.

– Денис, вернись к нам, – ласково позвал Спиридон Федорович, их историк.

Денис мгновенно обернулся, изобразил полнейшую готовность внимать. Катя Локотькова, сидевшая рядом, не сдержалась, улыбнулась, но тут же лицо ее стало серьезным.

Рядом с историком стояла дама – иначе и не назовешь, стройная и высокая. Узкое лицо, светлые волосы затянуты в строгий хвост, ни единого волоска не выбивается.

Девчонки вполголоса перешептывались, глядя на серое платье. Сычуанская яко-шерсть, дорогая ткань. А на груди серебром сверкает знак – кругомер над книгой, в круг вписанные. Приказ общественного развития и благоустройства.

Денис обнаружил, что выпрямился по струнке, как и весь класс. ПОРБ – это серьезно, ПОРБ просто так не является.

– Ребята, сегодня у нас на уроке гость из Приказа общественного развития и благоустройства, – сообщил историк, лучась от важности происходящего. – Аглая Петровна.

Представительница ПОРБ кивнула, оглянулась и села на учительский стул. Спиридон Федорович в некотором смятении на нее посмотрел и щелкнул дальномером. На ученических светоплатах появился знак – двуглавый орел в венце из молний, сжимающий в когтистых лапах шар державы и скипетр.

С двух сторон знак поддерживали медведь и тигр, сущности двуединства страны, обращенной на Закат и Восход. Все это Денис знал прекрасно; если урок будет по сущностям государственности, их класс легко справится. Они недавно делали учебную затею для младших как раз по этой теме.

– Дорогие мои, сегодня мы обратимся к началу нашей государственности, – провозгласил Спиридон Федорович. – Устроим, так сказать, опрос.

Денис неслышно охнул. Сегодня на уроке «Роднознания и отчизнолюбия» придется отвечать всем. Спиридон Эф, как его для краткости именовали девятиклассники, очень уважал поголовные опросы и размышлительные беседы с учениками, что означало, что каждому достанется доля учительского внимания. Пара минут в прицеле черных глаз и несколько каверзных вопросов. Хотя что можно каверзного придумать в теме «Начало государственности НОРС»? О том, как создавался Новый Российский Союз, уже в детском саду всем рассказывают.

В Суджук Денис всего три месяца, но уже привык к здешнему гимназию. В московской школе «РОТ» читали не так интересно, а Спиридон выступал зажатейно, скоморошил по полной. Ему бы на помосте краевого вертепа, а не у доски выплясывать.

– Эту тему вы хорошо помните, – продолжал Спиридон. – И...

– На каком основании стоит наше государство? – неожиданно спросила Аглая Петровна.

Голос у нее был резкий, сильный, видно было, что при желании она может перекричать одна целый класс.

Народ задумался. Спиридон Федорович переминался у доски, и Денису стало его жалко – он словно сам отвечал, не мог найти слов.

Денис собирался уже его спасать, но Маша Шевелева уже тянула руку. Конечно, Маша, кто же еще. Рука у Шевелевой рвалась к потолку и тянула всю ее следом.

– Наше государство, то есть Новый Российский Союз, основывается на справедливости, – выпалила Маша. – Каждому у нас в стране дается достойный заработок, исходя из его способностей и потребностей.

Аглая Петровна довольно кивнула.

– И не только заработок, но и жизненно необходимая доля лекарственных и попечительских услуг. Справедливо, когда старики живут обеспеченно, а дети получают самое лучшее. Справедливо, когда за свой труд человек получает столько, сколько заслуживает. Справедливо, когда вор в тюрьме, а невиновный на свободе. Тем, кто не в силах себя обеспечить, назначается справедливая доля содержания. А с чем можно сравнить наше государство, дети?

– С крепостью? – рискнул предположить Ваня Миронов. Ваня, как знак ПОРБ увидел, сам не свой сделался. Говорят, у него родители заработали снижение жизненного разряда, что-то в прошлом нехорошее у его папы обнаружилось. Вот теперь Ваня и сидит как на иголках.

Разумно, решил Денис, вечно на нас из-за закатного бугра разные гады лезут, крепость – хороший ответ. Но Аглая Петровна явно вопрос с подкавыкой задает.

Денис в некотором азарте задумался.

«Не повезло Ване, – подумал Денис. – Но это не надолго, на полгода в правах ограничат и все».

Его отцу тоже как-то поражение в правах вlepили – а не надо было скрывать, что он в старые времена состоял в каком-то неправильном собрании. Партии... так они назывались тогда. Если с государством вести себя честно, оно тоже будет с тобой честным.

– Да, с крепостью, но не только, – сказала Аглая. Ваня потух.

– Представьте, что наше государство – это дерево. Огромное, до небес. Оно дает жизнь всему живому, птицам и животным, раскинуло ветви от океана до океана. А все мы – часть этого дерева. Получается, что только от нас зависит его мощь и сила. Если мы будем сильны и крепки, то и дерево, наш общий дом, тоже. А если мы будем думать только о себе, то дерево рухнет. Однажды оно чуть не рухнуло. Когда это было?

Ваню опередил Федя Веселовский-Фань; он подскочил, даже не поднимая руки.

– Пятнадцать лет назад, – выпалил он. – В две тысячи восемнадцатом году, когда государство российское переживало смуту, в просинце восемнадцатого года, то есть в январе по старому стилю, выборный глава страны Гатин внезапно умер, и оказалось, что только он мог управлять страной.

Спиридон Эф закатил глаза, но Аглая Петровна улыбнулась.

– А больше никого не нашлось?

– Ну... – Федя замялся. – Они как бы не подходили. До конца...

– Садись. По сути верно, – сказала Аглая, – однако точность высказываний хромает, Спиридон Петрович.

– Мы проработаем лепословие совместно с учителем словесности, – быстро ответил историк.

Аглая кивнула.

– Глава замкнул на себя все рычаги управления государством, и когда он умер, оказалось, что страна не может существовать без ручного управления. А остальные высшие лица государства не обладали соответствующей легитимностью. Вы знаете, что такое легитимность?

– Право на управление страной, которое дает народ? – снова рискнул Ваня. – Это устаревшее слово, нам Спиридон Федорович рассказывал...

– Главным источником власти у нас в стране является народ, – кивнула Аглая Петровна. Ваня расцвел. – Народ доверяет управление государством лучшим людям, которых выбирает. Но после кончины главы Никитина таких людей не оказалось. Глава очень многое сделал, чтобы сохранить страну и укрепить ее положение в мире. Какие области при главе Никитине вошли в состав нашей страны?

– Иван-город и Белорусский край, – отрапортовал Денис.

– Прежде чем отвечать, следует поднять руку, – заметила Аглая, – вы немного распустили класс, Спиридон Федорович.

– Ну вы же знаете нашу специфику... то есть особенность. У нас идет обучение в образе открытого разговора, согласно наказным письмам ПОРБ... В духе нашего народовластия...

– Народовластие не значит вседозволенность, – значок на груди Аглаи как-то особенно ярко сверкнул. – Народовластие – прежде всего порядок и соблюдение законов и правил общества.

– Полностью с вами согласен, – пробормотал Спиридон Эф.

– Так вот, в восемнадцатом году страна переживала смуту. Как я сказала, выборный глава Никитин сделал очень многое, однако он не мог держать под своей рукой всю страну. Главная беда тогдашней власти – воровство от низов до самого верха, в котором порой были замешаны даже главы тогдашних госкорпораций... Кстати, как они называются сейчас?

Улита Козак, тихая, как мышка, потянула руку.

– Дворы?

Аглая удовлетворенно кивнула.

– Именно, Дальнопутный двор, Колоземный двор и так далее... Так вот, главы дворов, дьяки-министры, выборные-депутаты, воеводы-губернаторы – все они были богачами, миллионерами или даже миллиардерами. Представьте – у некоторых из них зарплаты достигали шести миллионов рублей в день!

– А сколько это в алтынах? – шепнула Катя Локотькова.

– Раздели на тысячу, – одними губами ответил Денис.

Катя только языком цокнула.

– От же жили!

– А чего тебе, в горностаях и соболях охота расхаживать? – покосился Денис.

Девушка закатила глаза.

– Что дурного в соболях, Ярцев?

– Дорогие друзья, что вас так увлекло? – поинтересовалась Аглая Петровна. – Надеюсь, наша тема?

Денис с Катей синхронно закивали.

– Тогда продолжи... – Аглая помедлила, взглянула на светоплат. – Денис Ярцев. Итак, Денис, что же было дальше?

Денис встал.

– Смута началась после того, как Никитин преставился. Страны Заката стали поддерживать мятежников, которые хотели отделиться от нашей страны.

– А что происходило в столице?

Денис пожал плечами.

– Беззаконье, если честно. Временные главы менялись один за другим, дьяки и чиновники рванули за бугор, те, кого не посадили. А в холодную бросали тогда очень многих, по надуманным обвинениям, без суда. Власть и деньги делили, а воеводы тем временем страну по кускам растаскивали! Воровские ватаги грабили людей прямо на улицах, врвались в дома и хоромы, а сыскари от них не отставали.

– И что же в итоге?

– Видя, что страна катится в пропасть, в свои руки власть взял Михаил Саблин, тогдашний воевода в Югороссии. Он двинулся на Москву и его поддержали все настоящие отчизнолюбцы, все, кому была дорога Россия. Войска повсеместно переходили под его руку, особенно отличились кавказские добровольческие дружины.

Миновав смутное время распада РФ, Денис почувствовал себя уверенней. Все же он плохо знал этот период: назвать поименно всех девятиерых временных глав еще мог, но вот запомнить, кто за кем, было уже выше его сил. А вот период становления НоРС Денис любил, очень здорово у Саблина все получилось. Он почти торжественно продолжил:

– Войска Саблина, усиленные добровольческими кавказскими дружинами, уже через неделю вошли в Москву. Последний временный глава сбежал вместе с половиной правительства и пропал где-то в странах Заката.

– И что же случилось, когда Саблин вошел в Москву?

Маша Шевелева подняла руку.

– Был организован Сход народного спасения. СНС созвал Всероссийский земский собор, а тот принял Всезаконное уложение и объявил о создании Нового Российского Союза вместо Российской Федерации. Вместо правительства был учрежден постоянный Сход с выборными головами, который возглавил Саблин.

– Страна переживала тяжелые времена, – продолжила Аглая Петровна. – На что же опереться, когда все разрушено – доверие между людьми, вера в государство, закон и порядок? Перед Михаилом Саблиным и другими членами Схода стоял один вопрос – как вернуть мир и процветание нашей Родине? Где же та точка, опираясь на которую они смогли перевернуть все положение вещей, тот камень, с которого начало возводиться здание нашей новой государственности? Как вы думаете, ребята?

Аслан поднял руку.

Аглая посмотрела на светоплат.

– Как ты думаешь, Аслан?

– Это культура, – сказал тот. – Единственная опора для нашего народа.

– Великая русская культура, на почве которой только и может вырасти новое древо нашего государства, – вернулась к своему образу Аглая Петровна. – Наша словесность, живопись, музыка... Но чтобы взошли новые побеги, требуется очистить почву, дать ей новые силы. В нашем языке, литературе, культуре за многие столетия накопилось много мусорных слов, много грязи и нечистот. Темные слова, чужеземные понятия, которые затемняли народный ум. Тот, кто пьет из грязного источника, не будет чист, как сказал один из отцов-просветителей, писатель и протоиерей Недугин. Что такое язык, дети?

– Речь? Общение? – предположил Ваня.

– А еще?

– Мы на языке думаем, – блеснула Маша Шевелева. Аглая довольно кивнула:

– Именно. Как ты говоришь, так ты и думаешь. А как может жить страна, где люди думают чужими понятиями, заемными мыслями? Плохо она живет, не своей жизнью. Так началось Великое просветление русской культуры. И в первую очередь русского языка, который предстояло очистить от мусора и пены иноземных словечек...

Денис не хотел поднимать руку. Не надо, вон и Спиридон Эф у доски жметяся, но вопрос сам слетел с языка.

– А разве слово культура – не иностранное? И музыка, и скульптура. Или вот протоиерей...

– Чужеземное, – согласилась Аглая, делая пометку в светоплате. – Однако следует различать слова вредные и полезные. Слово «культура» имеет давнюю историю в нашем языке. Также как «класс», «школа», «машина» и так далее. Со временем мы найдем им замену. Наши ученые-языковеды, как вы знаете, ведут постоянную работу по улучшению всего состава русского языка. Только в прошлом году было выпущено три многотомных словаря русского языка, а также новые издания всего Пушкина, Гоголя и Лермонтова. А Словесный надзор неустанно следит, чтобы в печати, в сетевых изданиях и в дальновидных передачах употреблялись только наши, коренные и исконные слова. Наш язык настолько велик, что ему нет нужды заимствовать чужие наречия, мы можем описать все явления и предметы на своем, родном.

– А зачем придумывать свои названия для всего? – Дениса понесло. – Ну вот хотя бы светоплат или дальновидение... Чем слова планшет или телевизор не подходят? Это же просто приборы, какие в них чужие смыслы могут быть?

– Вы еще слишком молоды, – улынулась Аглая. – В каждом слове – свой заряд, своя сила мысли. Допуская в сознание инородные слова, сперва простые, как вам кажется, и неопасные, вы сами не замечаете, как улавливаете инородный строй мысли, начинаете мыслить по-чужеродному, инаково. А инакомыслие очень опасно, оно способно заражать умы. Не успеете оглянуться, как вся страна будет подменена и люди начнут петь под чужую дудку тех, кто придумал эти слова и внедрил их в нашей стране. Особенно опасно, когда такая зараза проникает в умы неокрепшие, юные, которые из-за своего возраста особенно переимчивы, чутки к новому. Вот почему всегда в первую очередь надо следить за чистотой своей речи, потому что из нее проистекает чистота ума и сердца, как говорил еще один наш просветитель, дьяк Языкового приказа Цитрусов.

Аглая оглядела притихший класс спокойными холодными глазами:

– Спасибо вам, ребята, и вам, Спиридон Федорович. Продолжайте урок.

Дверь закрылась, и Спиридон Эф прокашлялся. Взялся за стул, зачем-то переставил его, в задумчивости потер ухо.

– Итак... Что у нас дальше?

– Звонок, – подсказал Аслан, убирая светоплат.

– Ах да... – сказал историк рассеянно. – На следующем уроке поговорим о конце Новейшей смуты и усмирении окраин. Разделы учебника уже отмечены в ваших светоплатах. Ярцев...

Денис остановился в дверях.

– Что?

Спиридон Федорович подозвал его и сказал вполголоса:

– Денис, проверка ПОРБ будет идти еще два дня. Если к нам заглянут проверяющие, я тебя прошу, не вступай с ними в прения. Отвечай по делу, четко и без рассуждений.

– Но ведь вы сами нам всегда говорили, что надо не бояться задавать вопросы, – удивился Денис.

– Я говорил, да... – Историк потер лоб пухлой ладонью. – Мы с вами вольно говорим о чем угодно, но ты же понимаешь, что наш гимнасий особенный?

– Хорошо, – сказал Денис. – Я понял. Буду нем, как крабовая палочка.

– Ярцев, это не шутки, – разволновался историк. – Ты же понимаешь, что такое ПОРБ?

Денис кивнул. Если Спиридону так важно, он не будет смущать порбовцев неправильными вопросами. Спиридон хороший, чего его подставлять? Хотя странно все это...

* * *

Историк рухнул на диван в учительской.

– Наталья Юрьевна, чайник горячий?

– Закипает, – сказала завуч гимназия «Зарница», доедая принесенный из дому салат. – Тяжко, Спиридон Федорович?

– Не то слово, – выдохнул историк. – Ярцев сейчас устроил дискуссию на уроке с проверяющим из ПОРБ. Сказали бы, Наталья Юрьевна, я бы класс подготовил. А тут как снег на голову.

– А они без приглашения являются. – Завуч аккуратно закрыла пустой пластиковый ящичек. – Сами же знаете.

Спиридон Федорович вскочил с дивана, подсел к столу. Смахнул со лба черные локоны, заговорил горячо:

– Я все понимаю, Наталья Юрьевна, но они там, в городском Приказе, не в курсе, какая у нас школа?! Не понимают, что мы тут пытаемся сделать? Они нас на руках носить должны, честно говоря. Знаете же, что сейчас в обычных школах творится.

Завуч кивнула.

– Вот как я могу давать новейшую историю без специальных терминов? Ей-богу, иногда ПОРБ с чистотой языка перегибает. Как говорить о политике, не упоминая этого слова? Как можно называть президента выборным главой? Это же разные понятия, Наталья Юрьевна!

– Спиридон Федорович, давайте не обсуждать Просветление языка? – предложила завуч. – Вы прекрасно понимаете, откуда все это идет.

Историк махнул рукой, опять переместился на диван.

– Я это все поддерживаю, но иногда язык заплетается. С нашей авторской программой... то есть особым составом образования ум за разум заходит. Мы же здесь такую задачу решаем! Кстати, наши попечители... – Историк поднял глаза к потолку. – Они в курсе этой проверки?

– Я сообщила, – сказала завуч. – А там уж сами разбираются. Неприятно, конечно, но мы это переживем. Городской ПОРБ нам не указ, по большому счету. Сами понимаете, проект экспериментальных школьных площадок «Новая заря» санкционирован на самом верху.

– Экспериментальных, санкционирован, – историк вздохнул. – Не думал, что буду сучать по этой лексике.

Наталья Юрьевна взглянула на старомодные самовзводные часы – крохотный кружок на тонкой цепочке. Древность, прошлый век.

– Засиделась я с вами! – спохватилась она. – Завтра же прогон «Прометея», а у Локотьковой и Ярцева визуализация хромает на обе ноги. Образы или блеклые, или распадаются. Ума

не приложу, в чем дело. И главное, показатели отличные, у обоих пик творчества прекрасно выражен. Опять душеведа, то есть психолога привлечь, что ли?

– Давайте, заводите свой голографический театр. То есть световой вертеп, – историк отхлебнул остывший чай из чашки. – А я с силами соберусь. Перед объяснительной для ПОРБ.

– Ну, вы особо не усердствуйте, – посоветовала завуч. – Сошлитесь на устав гимназия, на особый школьный уклад, творческий характер учебного хода, своеобразный образовательный состав. Не забудьте про звание общеземельной площадки по внедрению новых образовательных ухваток.

– Ага, – рассеянно ответил историк. – Главное, все эти слова вспомнить.

Глава вторая

– Чего тут странного, – удивилась Локотькова, когда он рассказал о беседе с историком. – Спиридоша о нас же и заботится. Знаешь, как наш гимнасий называют в Суджуке?

– Как?

– Заповедник. У нас тут такие вольности, какие в общих школах и не снились. Вот Спиридон за нас и переживает. Как бы не пришел медведь и не сел на наш теремок.

– Да ну, – сказал Денис. – С чего бы? Разве мы делаем что-то не так? Просто говорим обо всем открыто. По-моему, это правильно. Иначе как мы поймем, где правда, а где ложь, если будем молчать?

Катя взглянула на него иронически, но ничего не сказала.

Они шли по осенней набережной, ветер дул со стороны залива, сметал сухие листья на дорогу. В Москве уже дожди, а здесь еще без курток ходят. Юг.

Чем Денису здешний школьный порядок нравился – старшее звено отпускали домой, только малышня не выпускали со двора без взрослых сопровождающих. В столице не так, там даже от старшеклассников требуют родительское заверенное письмо. О том, что, мол, они доверяют своему дитяте добираться домой самому. А к нему надо приложить еще и утвержденный в СОД – службе охраны детства – путевой лист, копию свидетельства о рождении и проездные пропуска через межи округов. Их московский гимнасий находился на севере, за первой кольцевой. Если ученик жил на юге, надо было пропуска четыре, чтобы он мог добраться домой через межевые заставы. А если учесть, что пропуска надо каждый месяц обновлять, то такая тяга к самостоятельности влетала в изрядную копеечку. Так примерно, на пальцах, отец объяснил Денису в прошлом году, когда тот заикнулся о том, чтобы самому ездить домой.

«Вот получишь “временку”, тогда сам заказывай пропуска, плати пошлину и катайся», – сказал папа.

Так что в Москве развозили всех, с первого до одиннадцатого класса.

Раньше такой порядок Денису казался разумным. Родители же несут ответственность за своих детей в полной мере? Вот пусть и несут. Много мороки перемещаться по Москве без сопровождающих и временного удостоверения личности, которое выдавалось после выпускных испытаний в одиннадцатом классе. Без «временки» человек далеко не уедет, его первый же наряд СОД остановит.

От здешней свободы Дениса первую неделю слегка штормило, но потом он пообвыкся. Все-таки есть в этом свое удовольствие – идти, чувствовать ветер и солнце на лице, слышать, как шуршит листва и шумит море. А главное, ты сам по себе это короткое время между школой и домом, провалился в этот зазор, как монета в щель между плитами, и никто о тебе не знает.

* * *

... Катя начала свое обычное знакомство с городом. Три месяца назад он перевелся в этот гимнасий и сел рядом с Локотьковой. С тех пор она его и опекает. Даже смешно, Денис уже и сам может по городу приездего провести, показать, где рынки, где железнодорожный двор, а где машинный, в котором междугородние возки останавливаются.

Но все равно часто после школы он шел с Катериной – наверное, уже по привычке.

– Бугры, – указала Катя жестом завязанного краеведа на горный склон, усеянный частными особняками, один другого краше. Крыши – медь, сланец, дорогушая стеклочерепица «драконья чешуя», вошедшая в моду совсем недавно, стены – натуральный кирпич, облицовка грани-

том, мрамором, Денис заметил даже пару теремов, отделанных поморской сосной, – последний писк подмосковной моды. Богатый конец.

– Там живут все, кто родился с серебряной ложкой во рту, как гласит английская пословица, – едко заметила Катя. – А здесь – срединный округ, дальше четырнадцатый, Южный рынок, Дикое поле.

– А почему Дикое?

Катя пожала плечами.

– Мама говорит, раньше там пустырь был. Они там маки рвали в детстве. Прикинь, маки!

– Маки – это красиво, – сказал Денис. – Только запрещено. Сыскари за дурман-зелье задержать могут.

– А мне маки нравятся, – призналась Катя. – и еще ирисы. Я как-то посадила у себя под окнами маки, только их все оборвали.

– Кто оборвал?

Катя пожала плечами.

– ...А там Нахаловка! – она ткнула пальцем через залив, в сторону приставы, где стояли корабли и дымились полосатые заводские трубы. – Вернее, Федотовка, но все ее называют Нахаловкой.

– Я даже знаю, кто там живет, – сказал Денис. – Судя по названию.

– Ну, серебряных ложек на всех не хватает, – фыркнула Катя. – Дольщики в срединный округ особо не суются, сидят там, возле растворного завода. Нечего им тут делать.

Денис покосился. «А сама-то ты давно из доли вышла?» – хотел он спросить, глядя на ее потертую курточку и дешевую сумку, но сдержался. Катя точно обидится.

– Не жалко их?

– А чего их жалеть? – прищурилась Катя. – У кого ума хватает, давно оттуда переехал.

– Ну, вон Ярослав, кажется, там живет, – неуверенно сказал Денис.

У Кати сделалось такое лицо, будто ей лимон в рот выдавили.

– Нашел кого вспомнить! Щербакова! Да он неизвестно как в наш гимнасий угодил. У него же больше десяти из ста по всем предметам не бывает. Туп, как пробка.

– Зато со световым вертепом все в порядке. Вон он какие выдает образы – по десять минут держит, без сбоев.

– Да уж, – помрачнела Катя. – Уже который год голову ломаю – зачем нам этот вертеп? С первого класса нас гоняют на нем. И ведь в других школах и близко нет ничего похожего, я знаю. Все понимаю – история, языки, числосзнание, счетность, языкознание, сетеведение, словесность, даже сказковедение. А вот этот вертеп... Бесмыслица.

– Справишься, – сказал Денис.

– Ага, – без особой уверенности сказала Катя. – Знаешь, в прошлом году двух ребят отчислили после весеннего представления? Они пошутить решили. Проводками поменялись, образы перемешали, и помехи на весь объем пошли.

– Серьезно? – изумился Денис. – Они же спалить могли все оборудование.

– Сразу вышибли. Так что с нашим вертепом шутки плохи.

Они спустились с высокой набережной на пляж, пошли по каменным плитам. Пляжи здесь были галечные, ровненькие, а вдоль набережной тянулась каменная полоса, вымощенная плитами.

– Это пляж, я тут часто купаюсь, когда лень ехать в Балку или на Камни, – сказала Катя. – Если дальше пойдём, будет кинотеатр «Садко», там два зала, слишком соленая кукуруза и противная толстая квитошница – мы с ней все время друг на друга через стекло так зыркаем, знаешь, со значением. А дальше, видишь? Памятник погибшим морякам.

– В какой войне? – спросил Денис.

Катя даже с шага сбилась.

– Как в какой? В Великой Отечественной! Ты что, не знаешь, какие тут бои были? – Она потянула его к морю. Зашуршала галька под ногами. У кромки прибоя лежала свальянная, как грива морского коня, длинная полоса бурых водорослей. От них шел острый густой запах, совсем не похожий на запах йода – как пишут в книгах.

Катя присела к воде.

– Потрогай.

– Зачем?

– Потрогай, говорю! – Глаза у нее сверкнули. Денис опустил руку, волна облизала ее, он отдернул ладонь.

– Холодная? – спросила Катя. – А сейчас осень. Представляешь? А моряков высаживали в лютене, прямо по грудь в воду. Они шли на берег, а в них с берега стреляли из всего, что было. Вон там они высадились, – Катя указала на громадину вдалеке, похожую на огромный противотанковый еж. – Ни одного целого дома во всем городе не было, ни единой стены, ничего. Все заново отстроили после войны.

– Учебную затею по истории делала? – удивился Денис. – Это же когда было, откуда ты знаешь?

– Бабушка рассказывала, – сказала Катя. – Пока жива была. Ну и что, что давно, мы же помним. И всегда будем помнить!

– Ну да, их подвиг бессмертен и память вечна, – привычно отозвался Денис. – Конечно...

– Да какая память! – сказала Катя. – Видишь вон те дома?

Разноцветное двадцативерховое сборище, которое золотило вечернее солнце, трудно было не заметить.

– Они на братских могилах стоят, – спокойно сказала Катя. – Когда котлован копали под основание, там кости гребилом выгребали. Потом в самосвалы погрузили, увезли куда-то.

– И... ничего не было? – не удержался Денис.

Жилье верхнего уровня, солнечные доски на крыше, оконные стекла не блестят – солнечный свет впитывают, значит. Спасибо за дополнительное образование папе – не даром он был помощником главного смотрителя на Талдомском ядерном стане, пока сюда не переехал. Теперь работает на каком-то закрытом предприятии на Колдун-горе. И зачем понадобился энергетик на этом «Оке»? Стан наблюдения и изучения проницаемости земной коры, разве там есть реакторы?

– Конечно, не было, – она посмотрела на него, как на придурка. – Там каждый дом на костях стоит.

– Как-то подлю это, – сказал Денис. – Надо было сообщить на дальновидение или в печать написать. Или в управу.

– Шутишь? – спросила Катя. – Это дома для Особого приказа. Сечешь?

– Значит, так надо было, – вздохнул Денис. – Наверное, они не знали, когда строили.

Особый приказ!

Они не все успели рассказать тетке из ПОРБ. Сразу после того как был создан Сход, из кавказских добровольческих дружин создали Особый приказ. Горцы показали себя лучшей опорой государства, и потому Саблин доверил им важнейшую задачу – охрану страны от крамолы и распрей. По всей земле российской разошлись дружины Особого приказа, в каждом крае и области встали станом. Волчья голова – как выражение бесстрашия и верности на черно-желто-белом фоне государственного флага. Как огня боялись этого знака все предатели и индустры, которые творили козни стране. Это Особый приказ первым стал на пути чужеземного вторжения, когда через Хвалынское море в мягкое подбрюшье Земли Российской, в Астраханщину, вторглись военные корабли Персии. О делах Особого приказа каждый день дальновидение говорит. Тот же «Час суда праведного» Ярцев-старший постоянно смотрит, так там что ни день, то очередной вражина со слезами раскаяния выступает.

– Да уж, не знали, не ведали, – Катя бросила камешек в воду. – Теперь ты расскажи.
– Что?

Катя бросила еще один камешек.

– Как там, в Москве, – сказала она. – После того, что три года назад было...

Ярцев помолчал. Если ты москвич, вопрос о подземке неизбежен. О том, что осталось после атаки. О жертвах. Обо всем.

– Поезда давно пустили по всем веткам, – сказал он. – На Киевской и Гатинской памятники недавно открыли красивые – черная плита, в ней плывут имена без остановки. Некоторые, правда, еще боятся ездить, но, думаю, скоро все успокоится. Теперь на каждом стане стоит объемный просвет на входе – такая дура, знаешь, арка-полукружина с двухверховый дом. Городовых нагнали, на каждом углу стоят.

Денис задумался. Что сказать про дом, откуда недавно уехал? Там все так же, как в твоей памяти, ты еще там. Какие новости могут быть?

– В Большой Москве строят перемишки пятого кольца. На севере пустили вторую линию скоростного легкого поезда, – Денис принялся скучно пересказывать новостные передачи. – В августе в Москва-граде столкнулись два безводильных летуна, один вез пироги, другой – японскую снедь. Тот, который с пирогами, уцелел, а с рисовыми шариками навернулся и пробил крышу машины. Слава богу, без жертв. Теперь хотят запретить все полеты в середине города. Хотя зачем – надо просто запретить воздушный развоз японской еды, с пирогами-то летун не упал. Что доказывает полетные качества пирогов. Что еще...

Денис задумался.

– А что за бунт у вас был? На окраинах?

– Это когда неграждане бузили? – уточнил Денис. – В Ватутинки пригнали казаков, всех построили в этом ауле. Кого-то посадили, кого-то выслали. Не такой уж это бунт, так, мелочи. С местными старейшинами все быстро уладили. Вот два года назад, когда два бойца из Особого приказа зарубили двух болельщиков, средину города на три дня перекрыли. Машин тогда пожгли – штук сто, не меньше. Вот тогда кипело, да, – казаков и сыскарей не хватило, пришлось самому Особому приказу подключаться. А уж с ними шутки плохи, сама знаешь. Замырили болельщиков.

– Жуть какая, – поехала Катя.

– Нет, вообще в Москве хорошо, – сказал Денис. – Порядок. Все сидят по округам, куда не надо, не суются. Малыши могут на улице спокойно играть, в границах домового предела.

– А почему сидят по округам?

– Так ведь границы между округами межевыми заставами перекрыты, – пояснил Денис. – Они и на выходе из каждого подземного стана стоят. Чтобы из одного округа в другой проехать, пропуск нужен. А его кому попало не выдают. Только по работе, с временным пределом, если человек работает в другом округе, или по службе. У сыскарей, например, «вездеходы», или у прочих служивых и чиновников. Ну, или у «волков» из Особого приказа, но их никто и так не останавливает.

– Скучно так жить, – погрузилась Катя. – И по городу не погуляешь.

– А чего тебе гулять? – пожал плечами Денис. – В каждом округе все, что нужно, есть. Хочешь – ходи в смотрилища, есть летние, прямо в парках, есть закрытые. Там лент – море, и старые, и новые, и рисовальные для детей. Хочешь, иди в торговые ряды, там развлечений выше крыши: катки, шарокаты, воздушные прыжки, световые стрельбища. Трактиров и чайных, опять же, полно везде. У гостей и приезжих есть разовый пропуск на Красную площадь и средину города, а для москвичей каждые выходные средину открывают. Гуляй по Красной, смотри на усыпальницу Владимира, снимай Василия Блаженного.

– Не знаю... – Катя выглядела разочарованной. Хотя он и рассказывал ей о Москве, она все равно надеялась, что образ столицы, который она себе нарисовала, когда-нибудь совпадет с его описанием.

– Неправильно это, – упрямо повторила она. – Город для людей должен быть, а не люди для города. Отец у Шевелевой на Закат ездил, еще до Просветления, она снимки показывала.

Юноша взял горсть голышей, принялся пускать их. Гладкие стервецы не хотели прыгать, безнадежно тонули.

– Да когда это было. Посмотри, теперь там каждый день то бунты, то митинги. И кому это надо? У них извращенцы в правительствах сидят, это вообще как? Закат совсем прогнил.

Катя задумчиво теребила сережку, смотрела то на него, то в море, взгляд ее качался, как волна.

– Давно хотела спросить, Ярцев. Вы к нам насовсем?

– Пока срок службы у папы не выйдет. А он на пять лет подписал договор.

– Я бы ни за что не переехала в Суджук, – сказала Катя. – Из Москвы – сюда. Нет, здесь хорошо, знаешь, мне Суджук нравится. Море, у нас здесь лебеди, у нас здорово. Но вот все время здесь жить... Вот в Москве – жизнь.

Денис высыпал камни в воду.

– Здесь тоже хорошо. У вас город такой... Необычный.

– Господи, Суджук – необычный? – изумилась Катя. – Да чем же?

Денис задумался.

– Тут все как будто остановилось. Как до Просветления, даже надписи кое-где остались прежние. И говорят по-старому. Почта, а не письмосыльная служба, троллейбус вместо проводного возка. Занятно. Ладно, я домой.

– Уже? – Катя поднялась, отряхнулась.

– Да, спасибо. Было здорово.

Денис не кривил душой, Катя и правда хорошо рассказывала. Даже ее прилипчивость не раздражала. Она была какая-то другая, казалось, ей был нужен не он, а Москва, которую он привез за спиной.

Глава третья

Новичка Катя заметила сразу. Классы-то небольшие, любое новое лицо заметно.

Она вполглаза за ним приглядывала. Сегодня точно был ее день. Он сел рядом с ней!

Денис Ярцев. Из Москвы!

Кто вообще переводится из Москвы в Суджук?

«И как он тут оказался? – размышляла Катерина, кусая карандаш. – Родители переехали? Но явно же у него семья из высших разрядов. Как их в нашу дыру занесло?»

Платье хоть и гимнастическое, но из недешевой ткани. Голосник яблочный. А еще – серо-голубые глаза, яркие пухлые губы, узкий нос, русые волосы...

«Куда-то тебя не туда понесло, подруга, – осадил сама себя Катя. – Он тебя и не замечает, в окно уставился».

А ты проверь, Катя Локотькова, на одной ты с ним волне?

Рука у Кати слегка дрогнула, когда она вывела «Я Катя» на листке – она же не дура, слать ему через школьную сеть письма, как Анжела или Вика. Мало того, что весь класс видит, как они пыхтят над светоплатами, пальцами в буквы тычут, так еще и сеть дырявая, как занавески у Кати дома. Ее второклассник взломать может.

Денис хмуро покосился, царапнул карандашом бумагу. Уронил его на парту.

Катя подхватила карандаш, но тут же согнулась над светоплатом – Никита Алексеевич, их химик, внимательно оглядывал класс. Изучал вдумчиво каждого, как сетевая приспособа для ловли зловердных.

«Вот зараза, завтра же пробное испытание!»

Катя листала светоплат, просматривала тему, изображала бурную деятельность, а сама думала, что ответить на его равнодушное «И?».

И сама не поняла, как предложила этому парню погулять.

Она. Сама. Ему.

Денис чуть пожал плечами, черкнул ответ. Катя чуть не подпрыгнула.

Он согласился! После школы! С ней!

Сердце у нее гремело.

«Я совсем дура, – подумала она. – Сама напрашиваюсь. Анжи и Ви меня похоронят в развалинах водного парка, там, где убийца этих бедных девчонок оставлял. Все, мне не жить...»

Она уже чувала, как Анжела с Викторией прожигают ее взглядами.

Плевать.

У него голубые глаза, и он из Москвы.

Катя Локотькова улыбалась.

* * *

Федя ускакал вперед, пока Маша говорила с Анжелой и Викторией, и уже сидел в машине на школьной стоянке, постукивая пальцами по рулю. Увидев Машу, он нетерпеливо загудел. Маша махнула подругам – мол, до связи вечером, в сети. Девчонки страсть как хотели обсудить Локотькову и ее выходящее за все рамки поведение, но Маша хотела домой.

С Локотьковой всё решат потом, она и правда обнаглела. Дольница рыжая.

Маша села в машину.

– Ты меня теперь подгонять будешь? – спросила она.

– Ну прости, цветочек, – Федя потянулся к ней, Маша ловко уклонилась.

– Не перед школой же, – сказала она. – Поехали уже.

Федя поглядел за спину, нахмурился.

– Он опять за тобой таскается?

Маша обернулась. У стены стоял полноватый, неловкий парень. Парень неуверенно улыбнулся.

– Ты Тему не обижай, Тема полезный, сам знаешь. Мне еще испытание по составному сетезнанию сдавать.

– Мне пора волноваться? – поинтересовался Федя.

– Просто не расслабляйся.

Молодой человек ухмыльнулся, повернул ключ зажигания. Погазовал – от души, громко, поглядывая на Тему. И рванул с места.

– Домой?

– Сначала домой, а потом...

– А давай сегодня махнем на катере? – загорелся Федя. – Линь дельфинов видела два дня назад на выходе из залива, когда каталась на змее.

– Тебе папа ключи от катера отдал? – изумилась девушка. – Поздравляю.

– В награду за верную службу в качестве вашего личного водителя, Мария Петровна, и годы безопасной езды.

– Какой-какой езды? – Маша оторопела. – Это кто говорит? Федя Жги-Резину Веселовский? Гроза гонщиков от Анапы до Сочи?

– Вот ты мне не веришь, и папа тоже не верил. Хотя эти глаза не лгут. Но ведь ни единой дорожной виры уже три месяца, ласточка моя!

– Трепло ты, кто вчера вечером чуть Рашида не угробил на мосту?

– Так ведь не угробил? Все обошлось, а Рашид мне три сотни проиграл, в деньгах враждебного нам государства. Поехали их прожигать.

– Трепло, – ласково повторила Мария. – Рули домой, а там посмотрим.

– Кстати, ваш батюшка изволил передать, что будет поздно и чтобы вы откушали, что Галя приготовит, или заказали из трактира какой-нибудь стряпни.

– Федя, ты, кажется, увлекся погружением в девятнадцатый век, – заметила Маша. – Наша Марфа уже давно ждет, когда ты свою учебную затею сдашь. А ты со мной уже месяц разговариваешь, как персонаж Достоевского.

– Так все там похоже, почти как у нас сейчас, – сказал Федя, выжимая педаль газа. Родстер взревел и пролетел перекресток на мигающий желтый. Круто повернул и рванул вверх по склону, на Бугры.

Глава четвертая

Сначала город Денису не понравился. Им с отцом дали служебное жилье в самой середине. Старый дом. Три комнаты на пятом верхе, с закрытой приступкой за окном, куда Денис решил определить свои самокатные коньки.

Парк рядом и море в одной минуте пешком. Хотя тут весь город как один округ в Москве. Едва ли полмиллиона наберется, врет Сетесправка, какая это, к черту, морская столица НоРС?

Но красиво. Денис вышел на приступку вечером, поглядел на огни приставы – на той стороне залива. Там ползли огоньки машин, горели огни на причалах, светились красной каймой полосатые трубы, лениво двигались стрелы подъемников. Морской пристав Суджука не спал.

Он повернул голову налево. Над городом, над срединной его частью, темнела покатая громада Колдун-горы. Россыпь жилых огней резко обрывалась, не доходя и до трети ее высоты. Весь остальной образ горы был будто вырезан из самой ночи. Именно там, по словам отца, находилось его предприятие «Око». А вот если верить землевидным сайтам, по которым Денис сверялся, или Сетесправке, на Колдун-горе только заповедник общеземельного значения.

Значит, закрытое предприятие. Тайное. Зачем здесь ядерный стан, куда девать столько энергии?

Денис накинул куртку, обулся. Подумал, прошел на приступку и прихватил наплечник с самокатами. Давно пора их обкатать. Город на горах стоит, а он как приехал, еще ни разу на коньки не вставал.

– Ты куда? – Отец оторвался от шара дальновидения, где крутили передачу о подлом нападении отпавшей Окраины на Донецкий круг. Дым застилал взгляд, сквозь него прорывались яростные всполохи пламени, мелькали возмущенные лица, девизы на хоругвях, сжатые кулаки. Бегущая строка сообщала о тридцати погибших из-за огневого удара по детской лечебнице.

И что окраинцам нейдется-то все? Что ж им мирная жизнь Донецкого круга так мешает?

– Прогуляюсь.

– Ты же города не знаешь.

– Да выучил уже. У меня и путеводитель в голоснике.

Дверь хлопает, в ладони – дальник беспроводного наушника, сделан как наручные четки, старый образец. Такие уже года два как вышли из поветрия, но Денис к нему привык. На запястье – полоска голосника.

* * *

На скамейке у подъезда сидели бабки в пальто поверх халатов. Нога на ногу, покачивая шлепанцами на толстых шерстяных носках, они разом замолкли, когда Денис вышел. Проводили его долгими взглядами до детской площадки и вернулись к своему бесконечному разговору о хворях и ценах.

Денис присел на край песочницы, распаковал коньки. Прицепил наколенники и защиту для локтей – без нее первый же разезд дорожников его прижмет к обочине. Да и кувыряться по асфальту на скорости под шестьдесят без защиты совсем грустно. Световой показатель горел синим, половина заряда. На прогулку хватит. Денис надел коньки, долго возился, пока не попал большими пальцами в управляющий чехол, потом встал, разом оказавшись на десять вершков выше, попрыгал – пружины смягчали его вес, высокие голенища охватывали щиколотки. Надавил большими пальцами вниз, двигуны чуть слышно зажужжали, он выехал с площадки,

перешагивая выбоины в асфальте, вырулил из двора на дорогу и, склонившись, вошел в поворот. Левый локтевой щиток замигал красным, показывая его перестроение из ряда в ряд.

Есть коньки и с ручным управлением, берешь удобный дальномер в ладонь, два колесика – «ход» и «тормоз», приказ идет сразу на оба конька, но Денису нравился его образец – с ножным управлением. Сперва, конечно, трудно привыкнуть, каждый конек управлялся отдельно, большой палец ноги вниз – разгоняешься, вверх – замедляешь ход, но когда привыкнешь, отвыкать не хочется. И руки, опять же, свободны. Терпеть не мог Денис, когда руки чем-то заняты.

* * *

...Асфальт стелился под коньками, Денис окунался в теплый вечер, нырял лицом в темноту придомовых дорожек, густо обсаженных сиренью. Все было как обычно, как в Москве, и немного не так. Старая советская застройка, широкая осевая, вымощенная брусчаткой, отдающая в ноги легкой дрожью. Вокруг уличных светильников толкалась неуснувшая еще мошकारа, бились крупные мотыльки, мимо них из темноты и в темноту проносились какие-то чумные тени. Летучие мыши.

Денис на тихом ходу сорвал многопалый лист каштана, который еще чудом удержался на ветке.

Красиво и тихо. Он прошел насквозь всю срединную часть города по осевой улице и не встретил никого, лишь несколько парочек.

«В смотрилищах все? Или по домам сидят?»

Он свернул к морю – тут и путеводитель не нужен, осевая шла вдоль набережной. От моря тянуло прохладой. В этой части города толпились пятиверховки, а чуть дальше поднимались стеклянные башни местного града. Влево, вверх по склону горы, поднималась частная застройка. Пожалуй, если туда подняться, при спуске можно набрать немалую скорость. Главное, под машину не влететь, как в прошлый раз, в Москве...

Денис поморщился. Хорошо, что успел удрать от городского, иначе бы служба охраны детства вкатила ему замечание в личное дело. А отцу – виру немалую за то, что своего отрока воспитывает не как следует. Сотовцы злые, как бесы, с ними не договоришься.

Набережная открылась, ветер ударил в лицо. Ветер дул с той стороны залива, где горели огни на причалах, гремели и круглосуточно крутились колеса сложного устройства морского пристава Суджука. Черные туши кораблей застыли у берега, другие – в темнеющей, застывшей воде, высеребренной луной.

На углу, подавшись вперед крутым боком, стояла пузатая приземистая башня. Денис подкатил, остановился. Плясовой трактир «Золотое руно» – прочел он витиеватую, уподобленную грузинской вязи вывеску. Из недр «Руна» струился прилипчивый числовой бит, по низким кирпичным сводам бродили цветные всполохи. У входа топтались несколько казов – в обтягивающих белых майках, расклешенных штанах и гимнастических ботинках. Красавцы.

Огоньки числовых сигарет, слабый приторный запах африканского сладкодима – это московское поветрие добралось и до Суджука. Парни собрались в кружок, похохатывали. Похоже, в трактире было весело.

Денис удивился. Нет, и в Москве есть такие заведения, но чтобы прямо в середине, открыто, и вход с улицы, а не со двора, – такое он впервые увидел. Куда только разезды ПОРБ смотрят?

На парковку зарулила темно-серебристая открытая машина. Родстер, припомнил английское название Денис. Ярлык «Небесного дракона» на капоте. Дорогая машина. Денис задумчиво посмотрел на машинный числовик. Ряд «Аз», такие числовики выдавались только особым службам – безопасникам, «волкам» из Особого приказа, головам сыскных приказов. Ну да, какие еще могут быть у такой машины?

Он посмотрел на водителя и остолбенел.

За рулем был Федя Веселовский-Фань, ученик девятого «А» гимназия «Зарница». Федя был полукровка – черноволосый и раскосый. Мама русская, отец – китаец, и явно не из последних людей в Краснодарском крае.

Несовершеннолетним же водить запрещено, откуда у него права? И машина... На такую тачку отцу Дениса надо копить года полтора.

Федя помог выбраться невысокой черноволосой девушке. Вечер потрясений продолжался. Машу Шевелеву он сперва даже не узнал – такая она была сегодня яркая. Вместо школьного платья – черное дорогое платье, сережки с самоцветами, искрящиеся браслеты. Они были так увлечены разговором, что прошли мимо него, не заметив, и скрылись в золоторунных подземельях.

Вот так дела! Что Федя с Машей встречаются, Денис понял в первую неделю, как оказался в суджукском гимназии. Но что они так проводят время? Местный ПОРБ явно мышей не ловит, в Москве такое заведение давно бы прикрыли. А им бы впаяли по желтой метке в личное дело.

Или Феде с Машей закон не писан?

Он поднялся на тротуар, с любопытством двинулся ко входу.

В проеме тут же возник охранник. Здоровый, как самоходный ямокопатель.

– По приглашениям вход, – сказал охранник. – На коньках нельзя.

Глаза у него были сонные и смотрел он сквозь Дениса.

– Да не особо и хотелось, – пожал плечами Денис и откатил.

* * *

Рядом остановилась машина, стекло отползло вниз. Парней с числовыми сигаретами как ветром сдуло.

– Нарушаем, молодой человек?

Во рту у Дениса пересохло. На двери машины красовался знак Краснодарского края и желто-черная лента понизу с девизом «За веру и отечество». Казачий разъезд.

– Да я только вышел...

– Десятый час, – сказал человек в папахе. – Дома надо быть.

– Да бери его и поедем, – лениво сказал водитель. – Совсем молодежь расслабилась.

– Запретный час для кого введен, юноша? Если нет семнадцати, то с девяти вечера на улице без сопровождающих появляться нельзя. И где сопровождающий?

– Я из Москвы недавно приехал, – сказал Денис. – У нас запрет с десяти.

– А здесь Суджук. Ладно, школьный пропуск есть? Взыскание тебе запишем, на первый раз.

Денис радостно полез в карман, взыскание – это мелочь, это не страшно.

Пропуска не было. Пропуск в гимназий «Зарница», с отчетливой тоской вспомнил Денис, покоился в наружном кармане наплечной сумки, которая осталась висеть дома на крючке в прихожей.

– Что, нет пропуска? – сочувственно спросил казак и кивнул на заднее сиденье. – Ну что, снимай свои ходули, скатаемся в отделение.

Денис похолодел. Казаки его сыскарям сдадут, а те бумагу в ПОРБ отправят. Как пить дать влепят ему взыскание в личное дело. А он уже два схватил этим летом за катания в неуставных местах. Три взыскания за год, это желтая отметка в дело. Ну молодец, Денис!

– Понял, – Денис изобразил полную покорность судьбе, присел на колени, взялся за застёжки коньков. И едва казак отвел взгляд, рванул вверх по улице.

Машина с визгом развернулась, позади заорало, закрякало вопило. На пешеходном переходе Денис резко взял влево, перепрыгнул через невысокий каменный бортик и нырнул в темный парк.

* * *

Машина ткнулась носом в заградительные столбики, остановилась.

– Твою мать! – сказал урядник. – Нет, ты видел, Вась? Это вообще как? И ведь не голь какая-то, с виду рядный хлопец, а туда же.

– Таких коньков в Суджукке мало, найдем, – флегматично сказал водитель.

– Нужно мне бегать за этим прыгуном, – урядник пролистывал на светоплате записи наблюдения встроенной камеры. – Ага, вот он, пять минут назад. Попался, стервец. Все, прогоним по хранилищу ПОРБ, и сам к нам придет, красавец.

* * *

За бортиком была земля, он пропахал борозду, прежде чем выбрался на дорожку. Рванул в темноту, прочь от входа, и остановился только где-то в глубине пустого парка. За ним не гнались.

Денис сел на скамейку, вытер липкие ладони о футболку. Сердце колотилось.

Повезло. Оторвался. Если бы поймали... Желтая отметка в личном деле – это ты в очереди на понижение жизненного разряда, запрет на учебу в вузе и исключение из гимназия. Твой потолок – училище. Все занятия важны, все занятия почетны, вспомнился ему детсадовский стишок. Ну да, только за высшее образование надбавка идет, а водитель или рабочий на стройке получает в три раза меньше, чем работник частной казны или младший смотритель на светлостанции.

Хуже только красная отметка «неблагонадежен» – поражение в гражданских правах, запрет занимать руководящие должности, ежегодная проверка в Сыскном приказе, ограничение по занятиям. Тут уж только ледорезом в Арктику устраиваться, туда берут всех. Только возвращаются не все.

Денис выдохнул. Пронесло. Он медленно покатил по парку, на свет далеких светильников. В Москве бы не ушел, там точки наблюдения на каждом шагу.

Серая плитка в оранжевом свете светильников казалась ярче, черные тени сосен пересекали ее, дробили и казались чернее, чем они есть.

Когда он вернулся, отец уже спал.

Глава пятая

Учебное платье здесь было почти такое же, как в Москве – белый верх, синий низ, плавок-нашейник, штаны, рубашки и верхние куртки. У девушек – синие же юбки до колена, строгие блузки. Знак гимназия вышит толстой белой нитью: большой кругомер с книгой в круге, а под ним – изображение вспышки. Денис в своем московском платье казался несколько темнее одноклассников. А так их гимназий ничем от суджукского не отличается. Школа первого уровня, сразу видно. Оснащена от подвала до потолка, сетка по всей школе протянута, у каждого ученика светоплат на столе. Правда, вместо учебных залов – классы, но это потому, что старое здание.

И дольщики здесь тоже есть. Они везде есть – основа справедливости нашей страны требует, чтобы право на образование было у всех вне зависимости от жизненного разряда.

Правда, в гимназии сети «Новая заря» все-таки брали иначе. Мало того что всем первоклашкам надо было сдавать вступительные испытания, неважно, получает ли семья долю обеспечения или проходит по первому разряду, так еще и в конце каждого года в каждом классе проводились итоговые испытания. За все время обучения отсеивалось восемь десятых всех учеников, иной год и вовсе старших классов не было – все провалились.

Денис с первого взгляда мог сказать, кто в классе дольщик, и никакое казенное платье этого не скроет. Это как радиация, которая проступает из-под кожи. Как кто держится, как разговаривает, кто как на кого смотрит – кто прямо, с усмешкой в лицо, кто мимо, в потолок или угол, а с кем вообще не общаются, будто его и нет. Ноль, пустота, которая зря занимает место в классе. Даже у них в гимназиях это чувствуется, хотя с первого класса им вдалбливают – в стенах гимназия вы братья и сестры, нет родства священной гимназического.

Взять хоть Улиту Козак. Девчонка со здоровенной косой. Волосы у нее красивые, сильные, яркие, а больше ничего и нельзя было запомнить – худая, как спичка, какая-то проваленная в себя, острый нос, серые глаза, уродливые здоровенные очки – кто носит сейчас очки? Иди в лечебницу, встань на очередь, сделай родовую пробу, подберут тебе капли, прокапаешь курс родового исправления, и все – как рукой снимет близорукость. Не хочешь изменять собственный телесный род, можно же поставить линзы. Но очки, да еще такие страшные? И кто она, если не дольщица?

Впрочем, Улита – особый случай, у нее папа священник, благочинный Суджукского благочиния, а церковь наша не одобряет изменение телесного рода, даже самое малое. В НоРС и все родоизмененные продукты запрещены, ибо не человеческого ума это дело – природу перекраивать. Но разницу в разрядах ловишь сразу, как заходишь в класс, пусть для взрослых в этом платье они на одно лицо, все, как на подбор, как из сказки Пушкина, под одеждой все разные. Через пять минут все ясно, и с ним тоже ясно – как он зашел, как он посмотрел на них, как он сел.

Для недогадливых есть подсказки – например, гибкая полоска яблочного голосника на запястье. Отцу с Заката привезли, вещь подлинная, а не китайский втородел. У отца связи были, как-никак помощник главного смотрителя Талдомской ядерной станции, которая отвечала за питание Средних губерний Российской земли.

Или вот рыжая Катя Локотькова. Тоже ведь из «защищаемых слоев населения». Стиранное-перестиранное учебное платье, сумка с какими-то дикими самодельными самоцветами размером с кулак, сережки-пуговицы – максимум, что позволяли из украшений школьные правила, – из дешевого серебра. А вот у Маши Шевелевой в соседнем ряду явно платина с бриллиантами в ушах сверкает.

Длинноволосая брюнетка, невысокая, точеная как шахматный ферзь, повернула голову, одарила его загадочным взглядом темных глаз из-под длинных ресниц.

Глаза манили и обещали.

Ага, бегу и падаю, сказал сам себе Денис. Марья – царица, Марье нужны поклонники и обожатели. Вон как за ней Тема Вересьев увивается преданным хвостиком. А Маша то согреет его разговором или улыбкой, то оттолкнет, будто не замечая. И все, кроме Темы, эту игру понимают. Нет, Денис не хотел быть в свите Шевелевой.

Спасибо, неинтересно.

В класс заглянула Пелагея Валерьевна.

– Ярцев, в учительскую, живо.

– А зачем? – удивился Денис.

– Живо, Ярцев, живо. Тут по твою душу явились.

– С вещами?

– Ярцев, что за скоморошество? – возмутилась завбезд. – Вещи можешь оставить!

Денис поднялся, чувствуя, как где-то в животе тоскливо заныло.

Ничего хорошего не будет – это он понял, как только увидел рядом с завучем Натальей Юрьевной скучного толстого дядьку лет сорока в темно-сером казенном платье ПОРБ. А когда разглядел у него на рукаве три буквы СОД, стало совсем плохо.

Отдел службы охраны детства.

– Пожалуйста, вот он, – кивнула Пелагея Валерьевна. – Не ожидала я от тебя такого, Ярцев, честно.

– А в чем дело? – продолжал недоумевать Денис, хотя все уже понял.

Содовец повел впавшими печальными, как у спаниеля, глазами и повернул светоплат к Денису. Вид из окна машины. На записи была четко видна его физиономия, затем стремительный рывок и прыжок в темноту парка. А неплохо прыгнул, заметил Денис, потом спохватился – о чем он сейчас думает? Ведь это желтая метка в личное дело, да еще и отчисление!

– Что скажешь, Ярцев? – поинтересовалась Пелагея Валерьевна.

Денис вздохнул. И постарался быть как можно более искренним, от всего сердца:

– В Москве у нас запретный час в другое время начинается, вот я и загулялся, а я еще и школьный пропуск забыл, а как без пропуска, без пропуска сразу взыскание, и я больше не буду честно!

– Это ни в коем разе не оправдывает ваше поведение, молодой человек, – сказал содовец. – Мало того что вы нарушили запретный час, вы не подчинились представителю власти. Это желтая метка.

– Аркадий Васильевич, может быть, на первый раз не стоит... – начала Наталья Юрьевна, но содовец возмущенно затряс толстыми щеками.

– У господина Ярцева это уже далеко не первое нарушение, связанное с его нездоровым увлечением самоходными коньками. По мне, так подобные телесные приспособы вообще следует продавать только по достижении полного совершеннолетия.

– Да, однако в нашем городе он нарушил только в первый раз...

Аркадий Васильевич даже поперхнулся:

– Наталья Юрьевна, вы рассуждаете, как... у вас совершенно нет государственного мышления.

– Чего нет, того нет, – согласилась завуч.

– Я вообще мог бы не приезжать к вам, а провести все через наш Приказ. Однако приехал, ввиду особого характера вашего гимназия, – оскорбленно сказал содовец. – А вы шутите. По-вашему, это смешно? Сначала он от казачьего разезда удирает, потом начнет на стенах позорные картинки чертить с призывами к свержению, а потом и вовсе начнет нападать на представителей власти. Я обязан пресечь!

– Господь с вами, Аркадий Васильевич, – тут уже не выдержала Пелагея Валерьевна. – Мы Дениса всего три месяца знаем, но могу заверить, что ни на кого нападать он точно не будет.

– И что вы предлагаете? Одной записи о проведенной воспитательной беседе будет явно недостаточно, это серьезное нарушение, мы обязаны провести расследование и назначить соответствующее мере проступка наказание.

– А знаете что? – сказала Наталья Юрьевна, метнув быстрый взгляд на Дениса. – Я думаю, что Денис напишет подробную повинную и в письменном виде обязуется соблюдать закон. А мы ее приложим к делу. Напишешь, Денис?

Денис внимательно изучал состав карандашей и ручек в ближайшем стакане на учительском столе и делал вид, что разговор его вообще не касается. Но тут проснулся.

– Конечно напишу, – радостно сказал он. Да он им «Войну и мир» напишет. Лишь бы отвязались.

Содовец пожевал нижнюю губу.

– Да, – сказала Пелагея, чтобы закрепить успех. – А еще он принесет и сдаст на хранение в школьное хранилище свои коньки. Скажем, до весны. Верно, Денис?

Аркадий Васильевич кивнул.

– Наталья Юрьевна, Пелагея Валерьевна. Вот... исключительно из расположения к вам.

– Как это – сдать коньки? – не понял Денис. – Вы что, с ума сошли?

Наталья Юрьевна, мягко улыбаясь, обошла содовца, взяла Дениса за плечо и поволокла в сторону. Пальцы у нее были как железные.

– Если ты сейчас не замолчишь, то завтра здесь учиться не будешь, – тихо сказала она.

– Но как...

– Денис, я тебя просто умоляю, замолчи и сделай, как говорит Пелагея. Все очень серьезно.

Ярцев сжал зубы. По роже бы этому Аркадию Васильевичу проехаться коньками, обратным ходом с разворотом.

Но Наталья Юрьевна...

Он оглянулся. Пелагея Валерьевна хлопотала вокруг содовца с чаем и конфетами, чуть ли не сдувая с него пылинки.

– Черт с ним, – сказал Ярцев. – Пусть подавится.

Глава шестая

Казенный душевед гимнасия «Зарница» Александра Ивановна вошла в приемную главы гимнасия. Вид у нее был довольно озадаченный.

– Маргарита Акоповна у себя? Свободна?

Жанночка-секретарь оторвалась от светоплата, утомленно подняла длинные ресницы.

– Алессана Ивановна, ну когда Маргарита Акоповна бывает свободна? С бумагами работает. К тому же...

Жанночка пролистала список:

– Вы же не записывались...

– Мне надо, – строго сказала душевед. – Очень. Я по поводу испытаний, которые прислали наши кураторы.

– Ну подождите, я не знаю, – протянула секретарь. – Сейчас спрошу.

Она подняла трубку.

– Маргарита Акоповна, к вам наш душевед. Говорит, срочно. Нет, без записи. Говорит, какой-то приказ от покровителей. Ага...

Жанночка уронила трубку, вздохнула:

– Вы долго ее не занимайте, скоро в управление ехать. И вообще, дел полно, проверка гимнасия на носу.

– Это как получится, – туманно пообещала Александра Ивановна и толкнула дверь.

* * *

– Маргарита Акоповна. Вот...

Перед главой гимнасия легла стопка листов.

– И что это? – Маргарита Акоповна, полная жизни брюнетка лет сорока пяти, с недоумением посмотрела на стол.

– Я вас хотела спросить. Вчера прислали. От покровителей. Сказали, к понедельнику протестировать, то есть испытать, классы с седьмого по десятый.

– В десятом один человек, – задумалась директор. – В одиннадцатом вообще никого. Работы немного, так что тестируйте, моя дорогая.

– Немного? – усмехнулась Александра Ивановна. – Письменное испытание на двадцати листах, и полученные итоги необходимо обработать и упаковать в заговоренный архив. Но меня не это волнует.

– А что? – заинтересовалась Маргарита Акоповна.

– Дело даже не в объеме работы, – душевед взяла листы. – Понимаете, здесь внедрены некоторые разделы... Я не понимаю, что они тестируют.

– В каком смысле?

– В прямом, – Александра Ивановна постучала пальцем по листам. – В сопроводительной записке сказано, что это общий тест на поведенческие отклонения. Ну, помните, мы такой уже проходили, когда год назад в Воронеже мальчик взял у отца наградной пистолет и пришел в школу.

Маргарита Акоповна тяжело вздохнула.

– Мы тогда тоже всю школу проверяли. Помните? Так вот, те тесты были на выявление отклонений. А эти – нет.

– А что же они тогда выявляют? – изумилась глава.

– Понятия не имею.

Директор поглядела в окно.

– Вы у нас всего два года работаете, Александра Ивановна? Странно...

– Что странного? – удивилась душевед.

– Обычно людей в службу душеведения подбирают сами покровители. Вы знаете, в чем особенность нашего гимназия, как и всех прочих в сети «Новая заря»?

– Особый состав образования, упор на развитие творческих способностей, воображения, непривычные способы решения задач, развитие изобретательства, развитие пространственной памяти, умения строить и воплощать сложные зрительные образы, – перечислила душевед. – Но какое это имеет отношение...

– Прямое, дорогая моя, прямое, – сказала Маргарита Акоповна. – Наш гимназий создан покровителями, и все приказы, которые от них исходят, следует исполнять без вопросов и промедления. Они важнее, чем приказы ПОРБ, разве вы этого не знали?

Александра Ивановна пожала плечами.

– Конечно знала. Со мной беседовали перед приемом на работу. Просто я хотела поделиться... Понимаете, я таких тестов не видела никогда.

– А теперь увидели, – белозубо улыбнулась Маргарита Акоповна. – Ну все, идите работайте.

Александра Ивановна кивнула. Забрала листы и вышла. Она пребывала в смятении. Дело было вовсе не в диком количестве работы, которое вдруг на нее свалилось, и не в том, что работа казалась ей бессмысленной – в школе как раз к бессмысленной бумажной работе привыкли. Александре Ивановне было тревожно. Потому что она четко понимала – у этого тестирования были какие-то конкретные задачи, однако она не могла понять, какие именно. Это и пугало.

* * *

Возок накренился на повороте, Виктор Семенович не удержался, навалился на соседа.

– Простите, – пробормотал Ярцев-старший. – Никак не привыкну.

– Ничего, – успокоил его сосед. – Это наш водитель лихачит. Жора, не гони так, у нас сотрудники падают.

– Так пускай крепче держатся, я не знаю, – с южной ленцой протянул водитель. – Олег Геннадьевич, я ж за ради вас стараюсь, и так скока в пробке проторчали на мосту. Сами же потом будете говорить, когда виру за опоздание влепят: «Жора, шо же ты не жал на газ, когда была благоприятная возможность?» А будет поздно.

– Когда уже развязку выстроят, прямо сил нет уже с этим мостом, – вздохнул Олег Геннадьевич, массивный одутловатый мужчина.

– Я вам так скажу, ее пока будут строить, мы еще год будем в пробке торчать, – отозвался Жора. – И будете вы все меня упрашивать, шобы я быстрее вас вез.

– Видали явление? – Олег Геннадьевич затряс двойным подбородком. – Совсем на шею сели.

– Да все в порядке, – смутился Виктор Семенович. – Я просто не ожидал поворота.

– Вы его не расслабляйте, – нахмурил белесые брови сосед. – Младших сотрудников надо контролировать. Сенокосов, Олег Геннадьевич. Главный проект-менеджер. То есть смотритель нашего предприятия.

Ярцев взялся за ладонь господина Сенокосова и отпустил ее с чувством, что потрогал дохлую медузу.

– Ярцев. Виктор Ярцев. Помощник главного энергетика.

– А, так это вас из Москвы перевели? – в глазах Сенокосова промелькнул легкий интерес. – Будете Игнату помогать наше Большое ухо настраивать? Отслеживать, так сказать, супостатов еще на подступах.

– Наверное, – смешался Ярцев-старший. – Я, простите, не совсем...

– Да ладно вам, – махнул пухлой ладонью Олег Геннадьевич. – Мы же все свои, одну задачу решаем. Суджук – город маленький, у всех дети, семьи, друзья-знакомые, все знают, что на Колдун-горе новый радар построили. Как бишь его теперь называют – дальше глядело? Сколько лет, а все никак не привыкну.

– Да, но я не знаю уровня вашего допуска, – возразил Ярцев. – И, честно сказать, еще не вникал в суть работы всего объекта, работы с генератором выше крыши.

– Освойтесь. Ребята у нас хорошие, даже Жора, хоть и триндит он много.

– Я раньше не работал на предприятиях такого уровня тайности, – извиняющимся тоном сказал Ярцев. – Поэтому не знаю, как...

– Ой, та все будет хо-ро-шо, – с расстановкой произнес Жора, с натугой вращая руль. – Второй КПП, пропуска готовим.

Затемненные стекла просветлели, Ярцев поспешно вытащил пропуск, повернулся к окну. Охранники с ручными просветами-сканерами прошли вдоль машины, сличая слепок пропуска с внешностью владельца. Признаться, эта мера Виктору Семеновичу казалась уже излишней и устаревшей – ведь на первом КПП их машина проходила через арку объемного просвета, и охрана запрашивала отклик от чипа, вживленного в плечо. Плечо до сих пор болит, хотя врач обещал, что на второй день чип уже не чувствуется. Соврал – недорого взял.

На прошлом месте работы таких мер безопасности было достаточно, а здесь зачем-то второй КПП сделали.

«У каждого двора свои порядки, – подумал Ярцев-старший, – “Роснедра” вообще кабальные договора дает, до года без права общения с семьей. Зато дожиточные пособия у них...»

Ярцев вздохнул – о золотых дожиточных пособиях «Роснедр» ходили легенды. Говорят, в Абхазии целые села купали роснедровские бывшие, вместе с жителями. Хотя, наверное, врут, кто там захочет жить, в военной зоне? Рядом Грузия, время подлета ракет меньше минуты. Там сейчас военных больше, чем абхазов. Нет, на старости надо на Валдай переселяться, или в Волжские курорты-отдыхалища, или на Саяны.

Ярцев-старший убрал пропуск, который бессмысленно вертел в скользких пальцах. Охладитель в машине никуда не годился, ездоки колыхались в горячем воздухе, а солнце жарило сквозь затемненные стекла.

И как вот Дениса угораздило на казачий разъезд угодить? Повезло, что у местного гимназия такие покровители, как их предприятие. Порбовцы зубами полязгали и ушли ни с чем, только взыскание в личное дело записали. А могли бы и желтую метку вклеить – за оказание сопротивления при задержании. Хорошо, что в школе догадались коньки забрать – это ПОРБ убедило. Надо бы с ними поговорить, чтобы эти коньки вообще куда-нибудь пропали потом.

«Говорил я дураку, чтобы бросил эти глупости, – мысли Виктора Семеновича свернули в привычное русло. – Нашими, исконными видами спорта надо заниматься. Как спорт по-нынешнему называется? Телострой? Господи, вот кто все это выдумывает...»

«В лапту, пятнашки, городки играли дворяне и мужики», «Русскому народу – русский телострой», «Это что за менюэт? Самбо – да, трикинг – нет!», «Поддубный Иван был спокойным как танк, он никогда не играл в петанк» – вспомнились Ярцеву-старшему вещательные объявления, которые должны были отвратить молодежь от чужеземного телостроя. Весь дальновид ими забит.

– ...А коллектив у нас молодой, веселый, верно я говорю, Олегнадич? – продолжал тем временем бойкий Жора. – Зарплата хорошая, льготы по первому уровню. А какие беляши в столовой Яночка готовит! Это не беляши, это песня. Ария!

Машина встала.

– Приехали.

– Открывай двери, балабол, – велел Сенокосов.

– Вот так всегда, пока довезет по горкам, растрясет, как холодец, – пожаловался он, вылезая из возка.

Для стороннего взгляда предприятие «Око» выглядело как обычный закрытый объект, каких на Руси издавна завелось множество – две полосы проверки, колючая проволока, несколько рядов светового охранного кордона. Наверняка были и еще какие-то преграды, но Ярцеву никто не сообщал о системе охраны. Служебный возок останавливался на стоянке у двухверхового здания, за ним вверх по склону были разбросаны еще несколько таких же. Соединялись они между собой крытыми переходами, так что сверху, с высоты облаков, «Око» выглядело как образец частицы неизвестного вещества. Здания управления и вспомогательных служб – технической, пожарной, инженерной. Радар – целое поле фазированных решеток, настоящий радиолес, – располагался намного выше, у самой вершины, с той ее стороны, которая не видна из города.

Но хозяйство Ярцева находилось не там.

Шлюз пропустил их, распознав чип издавдалека – открыл стальные челюсти и бесшумно закрыл за спиной. Виктор Семенович с облегчением вдохнул прохладный воздух, посмотрел на рыбок в шаре-аквариуме, висящем в центре фойе.

– Ну, увидимся, Виктор Семенович, – Сенокосов втиснул ему в руку холодную ладонь.

Ярцев-старший еще раз потрогал дохлую медузу и отправился в сторону лифта.

Его работа начиналась глубоко под землей, в сердце горы, куда вели шурфы, пробитые в песчанике и сланце.

Там, в магнитной ловушке пылал термоядерный огонь.

Зачем радару столько энергии, Ярцев-старший понятия не имел, да и не задавался этим вопросом. Наум Игнатьев – Игнат, как его фамильярно обозвал Сенокосов, – главный энергетик «Ока» был человек неразговорчивый и хмурый, Ярцеву было с ним легко. Он и сам не большой мастер говорить.

Предприятию нужна была энергия, и они ее давали. Ярцев знал и любил свою работу и умел ее делать. Этого Виктору Семеновичу хватало, чтобы чувствовать удовлетворение. Все идет, как надо, когда все показатели в норме.

* * *

Датчик телесного рода выдал подтверждение, дверь распахнулась, пропуская его, и беззвучно закрылась. Сенокосов сел в кресло, с наслаждением откинулся, подставил лицо под ледяную струю охладителя.

– Надо закупить другие автобусы, – прогудел он. – Эти ни к черту не годятся.

Он стукнул пальцем по подлокотнику, дубовая столешница подмигнула ему, проекторы замерцали, сформировали рабочий стол.

Сенокосов не любил воздушные экраны, но с большими объемами информации на них гораздо удобнее работать.

Он вывел дело Ярцева, вписал пару строчек, когда замигал входящий.

– Олег Геннадьевич, тут Шизик очень к вам просится.

– Паша, сколько раз говорить – Гелий Ервандович, а не Шизик! Надеюсь, он тебя не слышал?

– Обижаете, шеф. Так пропускать?

– Конечно! Я буду в конференц-зале. – Сенокосов отключил связь. – Вот идиот.

...Гелий Ервандович Серебряков, главный разработчик проекта «Невод», нетерпеливо прохаживался по залу, разглядывая снимки на стенах. Виды Большого Кавказского хребта, Фишт, олимпийский Сочи... Пусть полюбуется, ведь из-под земли не вылезает, копается в потрохах «Невода».

Сенокосов специально помедлил, прежде чем войти. Пусть Шизик понервничает. Ему полезно. Сроки по сдаче подпроекта «Верша» горят, а они никак не могут разобраться со напряженностью н-поля. Пора бы немного прижать господина академика.

«Наверняка просить будет, – подумал полковник Сенокосов. – Опять».

– Олег Геннадьевич, дорогой, – Гелий Ервандович бросился навстречу, затряс ладонь обеими руками. – Мне нужно с вами срочно поговорить! По поводу операторов!

«Точно будет, – понял Сенокосов. – Только что на этот раз? Мескалиновый кальян? Опиаты? Чистый MDMA он уже на *рыбаках* использовал, эффект нестабилен. Что за идея пришла в нашу лысую голову на этот раз?»

Худой, как щепка – пиджак на нем болтался как на вешалке, – Гелий Ервандович приходился Сенокосову примерно по грудь, отчего академику приходилось заирать голову и щуриться сквозь толстые очки.

Сенокосов же, в свою очередь, был вынужден лицезреть его лысину с коричневыми пигментными пятнами и венчик редких седых волос вокруг оной.

– Что же на этот раз случилось, профессор? Вам опять нужны психоделики?

– Дорогой мой, перестаньте уже ставить мне в вину опыты с фенилэтиламинами! – всплеснул ручками Гелий. – Нейрорегуляторы серотонина нужны, чтобы запустить стартовый процесс у наших *рыбаков*, не более. Я давно уже выработал устойчивую комбинацию препаратов, этот вопрос решен.

«Обезьяна, – брезгливо подумал Сенокосов. – Гениальная обезьяна».

– Тогда что вы хотите?

Гелий Ервандович открыл папку, лизнул палец и быстро-быстро зашелестел листиками.

– Я ознакомился с результатами недавней тестовой программы и обнаружил кое-что интересное.

– Тесты? – не понял Сенокосов. – Какие тесты?

Гелий Ервандович недоуменно затряс волосиками.

– Ну как же? Психологические тесты по поиску кандидатов в операторы. Мы их запустили месяц назад. В нашей подшефной сети гимнасиев.

– Ах это, – Сенокосов и забыл об этой мелочи; от рабочей артели профессора постоянно исходил поток таких неожиданных запросов, что какие-то тесты на их фоне совершенно затерялись. Один Цветков чего стоит.

– Слушайте, так это же ваша епархия – гимнасии, операторы, чего вы от меня хотите? Вы бы лучше сосредоточились на доработке «Верши», профессор. На расстоянии километра напряженность поля падает ниже критического уровня. Даже тульпа третьего класса в таких условиях теряет стабильность. Это никуда не годится.

– Я вас прошу не использовать это выражение! – возмутился профессор. – Это крайне некорректно с научной точки зрения.

– Уж извините, наведенные психоэнергетические мыслеформы не каждый мой сотрудник выговорит, – съязвил Сенокосов. – Наш двор вложил значительные средства в ваш проект и ждет их возврата. После неудачи в Москве мы не можем допустить еще одного срыва.

– Ну, Олег Геннадьевич, проект «Черное зеркало» был не моим, а Караваевским. К тому же московский эксперимент нельзя считать полностью провальным...

– Триста тысяч человек были захвачены на пике работы «Черного зеркала»! Двести тридцать семь сердечных приступов, сто пять инсультов, триста шестьдесят попыток суицида, из

них девяносто три успешные. Двадцать один состав потерпел крушение, – отчеканил Сенокосов. – Как тогда выглядит провал?

– Я, признаться, не владею статистикой по жертвам, – отвел глаза Гелий Ервандович. – Зато мы поняли, что его технология прямого суггестивного внедрения психообразов пока нереализуема. И давайте не забывать, что именно побочные эффекты установки Караваева навели нас на принцип работы «Невода». Если бы Караваев выжил, он бы сейчас работал с нами. Он бы творил будущее вместе с нами...

«Его бы уже давно расстреляли, – подумал Олег Геннадьевич. – После волновой атаки в метро...»

– Сейчас на «Неводе» мы основной цикл уже отработали, – вернулся к теме полковник. – «Верша», профессор, вот чего от нас ждут. Понимаете? Конкретных результатов по мобильному варианту установки.

Гелий Ервандович всплеснул ручками и возмущенно забежал по залу:

– Я вам поражаюсь, Олег Геннадьевич! Ну вы-то должны понимать, что и «Невод» и «Верша» – всего лишь рабочие модели! А речь идет о куда большем, о великой мечте человечества!

– Нам деньги дают не на мечты, а на дела, – отрезал Олег Геннадьевич. – Не забывайте, что и гимнасии ваши, и весь этот проект были развернуты после провала Караваева, когда стал понятен вероятный военный потенциал н-поля. У нас тут и так рассадник вольномыслия, профессор, одной инспекции Словесного надзора ПОРБ хватит, чтобы закрыть нас. Единственная наша охранная грамота – ведомственная принадлежность к корпорации «Русская сила». То есть к Научному двору разработок и исследований. Никогда я этот птичий язык не выучу...

– А управлять мобильной «Вершей» кто будет? Ее же предполагается ставить на подлодки. Лагутенко с его депрессивным синдромом? Или Цветков с его клаустрофобией? Нам нужны новые операторы, и вы это прекрасно знаете.

– Кстати, о Цветкове, – спохватился Олег Геннадьевич. Профессор Серебряков сморщился, в глазах Сенокосова приобрета сходство с расстроенным шимпанзе.

– Вы не знаете, зачем Цветкову коза?

Профессор захлопал глазами, потом осторожно предположил:

– Вероятно, доить?

– Козьего молочка, значит, захотелось, – резюмировал Сенокосов. – Кучеряво устроились наши *рыбаки*, вы не находите?

– Дело в том, что операторам «Невода» нужна комфортная окружающая обстановка, чтобы произвести психологическую самонастройку...

Олег Геннадьевич посмотрел на профессора тяжелым взглядом удава.

– А как коза помогает Цветкову достичь внутренней гармонии, Гелий Ервандович? Не можем ли мы обойтись макетом козы? И бутилированным молоком? Она же бегаёт по комплексу, профессор. Она, извините, гадит.

– Гадит, – сокрушенно согласился профессор. – Я поднимал этот вопрос. В смысле, вопрос о козе, а не сами продукты ее жизнедеятельности. Но Геннадий отказывается работать без Колибри. Говорит, она его муза.

– Он назвал козу Колибри? – Сенокосов решительно взял из рук профессора список. – Вы правы, нам необходимы новые операторы.

– Вот потому я вам и пришел, – обрадовался профессор. – Вы не поверите, наша работа со школами наконец начала приносить плоды. В местном гимнасии россыпь потенциально очень сильных операторов. Просто созвездие...

– Прямо-таки созвездие, – скептически пробормотал Сенокосов. – Не маловаты?

– Вы же помните, что наиболее оптимальный возраст для *рыбака* от тринадцати до шестнадцати лет. Лагутенко восемнадцать и у него из пяти попыток «заброса» – уже четыре срыва. Еще два года назад было три. Остается только Цветков, но он уникам...

– Нет уж, хватит с меня одного такого уникама, – сказал Сенокосов, – Что вам требуется?

– Я уже отобрал наиболее перспективных. В списке около тридцати детей, их надо протестировать во внешнем контуре установки при, скажем, напряженности поля меньше трех единиц. Разумеется, незаметно для них. Я предлагаю им устроить экскурсию на наш объект.

Олег Геннадьевич задумался.

– Официально здесь расположена геофизическая лаборатория по исследованию эффекта проводимости земной коры. Почему бы детям не посетить ее в рамках, скажем, профориентации? То есть в порядке знакомства с рабочими ремеслами. Пусть ваш Паша составит нужные бумаги, а то я, признаться, тоже путаюсь в новой терминологии. А заодно им надо организовать экскурсии на другие объекты инфраструктуры города. В порт, например, на нефтетерминалы, на цементный завод.

– В рамках профориентации, – повторил Сенокосов. – Да, это может отвести внимание ПОРБ. А то они слишком часто в последнее время стали в наши дела нос совать.

– Когда я смогу их ждать? – Гелий Ервандович нетерпеливо блеснул темными глазами сквозь толстые линзы.

Олег Геннадьевич еще взглянул на список.

– Готовьте установку, на следующей неделе начнем. Для порядка надо ПОРБ известить. И скажите Цветкову, чтобы завтра его козы не было в комплексе. Не хватало, чтобы она бегала во время экскурсии.

– А по-моему, это располагает, – неожиданно сказал профессор. – Дети любят животных, а коза в лаборатории – очень необычно, это запомнится больше, чем все остальное.

– Чтобы завтра же, – сказал Сенокосов, взял папку и ушел в кабинет.

Глава седьмая

«Час отдыха» они проводили во дворе. В этом суджукский гимнасий ничем от прочих школ не отличался – у всех после четвертого урока была большая получасовая перемена для отдыха. Общее расписание по всей стране. Только в московском гимнасии был перекрытый стеклянной крышей внутренний двор, где и крутились все классы с первого по одиннадцатый, а здесь двор был открытый, совмещенный с телостройной площадкой.

Денис сидел на лавочке мрачнее тучи. Катя второй день пыталась его отвлечь от черных дум об отобранных коньках и общей несправедливости мира. Выходило пока неважно.

Сегодня она решила рассказать о внутренней жизни класса, и Денис краем уха все же ее слушал.

Рыжая умела говорить по делу. Глаз у нее был цепкий, а язык острый. Если бы все слышали, какие сравнения она подбирала для одноклассников, у нее были бы неприятности. Или они у нее уже есть? Вон какие взгляды кидают Анжела и Вика.

– Да, подруги сильно недовольны, – Локотькова проследила его взгляд. – Я тебя вроде как присвоила. Ты себя чувствуешь поработанным?

Денис фыркнул.

– А зря, тебе стоит навести мосты, – заметила Катя. – Они из свиты нашей королевы, с ними правильно дружить. А со мной – не очень.

– Ты про Шевелеву?

– Ага. Как там в старом фильме – «спортсменка, комсомолка и просто красавица»? Ты знаешь, что она дочка судебного обвинителя Суджука? Единственная и несравненная.

– Я ее с Федей видел, – сказал Денис. – Как раз тогда, когда на казаков напоролся. Они в трактир приехали.

– В «Руно»? – с пониманием спросила Катя. – Да, они туда часто заглядывают. Знатное место, для своих...

– Как их вообще туда пускают, там же алкоголь.

– Такой большой, а маленький, – восхитилась Катя. – Я же тебе говорю, у Маши папа – городской судебный обвинитель. А у Федей папа удачно женился. Семейство Фань в нашем крае много чем владеет. Старший Веселовский, например, зерновой причал в Суджук держит.

– Ну, ты по машине его уже понял, – продолжала Катя, – Федя у нас знатный гонщик. Федя любит скорость. Простую машину он разбил в хлам через два месяца, а на этой держится уже полгода, представляешь?

– С трудом, – сказал Денис. – Его же ПОРБ давно должен был прижать.

Катя только улыбнулась.

– Говорят, папа Веселовский пообещал отобрать у него права и машину, если Федя еще раз вляпается в какую-нибудь историю.

– А как ему вообще права дали?

– Я же говорю, у папы зерновой причал, – Катя задумалась. – В прошлом году они отгрузили, кажется, тридцать миллионов пудов зерна.

– Серьезно? – не сдержался Денис. – Ты помнишь, сколько через пристав прошло зерна? Тебе это правда интересно?

– Не через пристав. А только через причал Веселовского, – сказала Катя. – Всего через пристав прошло сто миллионов. Конечно интересно, это же деньги. А деньги – это сила.

– Сила – это идеи, – строго заметил Денис. – Они меняют мир, а деньги появляются потом.

– Не, – Катя замотала головой. – Если мы с тобой по Платону рассуждаем, то у денег тоже есть идея. И вот эта самая идея денег меняет мир круче некуда.

Денис завелся. Вот что она несет?

– По какому Платону? Как же деньги меняют мир? Они его портят! Все можно продать и все купить, как на Закате? И к чему они пришли с этой идеей? Там же все распадается, там же ничего нет – ни веры, ни семьи, ни добра, одни деньги! И желание еще, еще, еще получить денег, высосать весь мир. Они как вампиры, европейцы. Упыри.

– Вот вроде умный ты, Ярцев, а ум у тебя дурак, – вздохнула Катя. – Ты сам-то на Закате был?

– Не был, – нехотя признал Денис. – Но это всем известно.

– Потому что по дальновиду передают? – Катя смотрела насмешливо. – А откуда ты знаешь, что это настоящая картинка? Может, там такие же, как мы, сидят в световом вертепе и сочиняют образы из головы. А потом на всю страну передают.

Денис беспокойно завозился.

– Тогда вообще ни во что верить нельзя, – сказал он.

– Можно, – сказала Катя убежденно. – В самого себя. В свое сомнение.

– Это как?

– Вот ты, – Катя взяла мелок, оставленный кем-то из младшеклассников, поставила точку на смолокаменном покрытии. – А вот ты сталкиваешься с чем-то и задаешь вопросы.

Она прочертила короткую дугу.

– И еще сомневаешься. И еще. И еще.

Вокруг точки расходились дуги, как волны, они соединялись в неровный круг, расталкивающий серость асфальта.

– И вот тут, – она постучала по пространству круга, – только тут ты и есть. На этой границе постоянного сомнения. Пока сомневаешься, и живешь. Закончил сомневаться, перестал думать, и все схлопнулось.

– Нда, – сказал Денис. – Евангелие от Локотьковой. Блаженны сомневающиеся, ибо они есть.

А остальных, значит, нет, остальные не живут.

– Да не от Локотьковой, а от Декарта. Вам в Москве что, не читали любомудрие? – удивилась Катя.

– Православное. Бердяев, Соловьев, Ильин.

Катя покивала головой.

– У нас тоже примерно так. Отец Варсонуфий преподает. Но он уже старенький, ему тяжело. Он нам просто задает разделы читать. Потом опросы устраивает. А доступ открыл ко всему разделу книгохрана. Вот и я читаю потихоньку.

– Да уж, начиталась, – пробурчал Денис. – Ты особо не болтай. А то знаешь, за сомнения в справедливости устройства нашего государства можно уехать в далекие холодные края.

– Так я только с тобой о таких вещах и говорю, – удивилась Катя.

Денис отвел глаза. От взгляда ее открытых серых глаз почему-то хотелось спрятаться.

– Как ты сюда попала? – Наверное, стоило бы спросить мягче, но Денис не подумал, слишком хотел сменить тему разговора. Да и не так уж просто задеть такую, как Катя Локотькова – раз уж она в этом классе зацепилась, дольщица.

Катя потеряла мочку уха с сережкой-пуговкой.

– Как и все, по испытанию, – сказала она. – Я умная. Учебные состязания, честь школы, все такое. Каждый год в гимнасий объявляют отбор по доле иждивения. Вот я и прошла. А потом – ты же видел мою работу в вертепе?

Денис кивнул. У Кати отлично получались сложные задние образы и большие объемы.

– На вступительном испытании я сочинила ураган, – сказала Катя. – Наталья Юрьевна говорит, она такого никогда не видела.

– А что Мацуев сочинил? – Денис указал на Аслана. На телостройной площадке, скинув верхнюю блузу, он шутливо толкался с другими парнями. Движения у него были быстрые, хищные, но что-то Дениса смущало. Как-то странно он двигался. Под ногами у парней метался яркий мягкий мячик, примерно с кулак размером. Обычное дело, уличный ногомяч.

– Мацуев, как всегда, что-то невозможно героическое. Кажется, сцену битвы Мцыри с барсом, – улыбнулась Катя. – Я иногда думаю, если их с Шевелевой свести вместе, будет конец света, потому что миру больше нечего будет предложить. Идеальная пара. Увы, они не переносят друг друга.

– Ага, – сказал Денис. – Потому что одинаковые, да?

Катя кивнула.

– Два сапога пара. Папа у Аслана – сотник береговой дружины Особого приказа.

Денис поежился.

– Ничего себе.

– А я тебе о чем. О, кажется, он тебе до сих пор не простил последнего прогона. Зачем ты его камнями завалил?

– Он сомневался, что я смогу достоверно передать горы, – пожал плечами Денис. – Надеюсь, лавина его убедила.

Катя ойкнула:

– А... ну, удачи.

Она надвинула большие пушистые наушники и изобразила полнейшее безразличие.

– Ярцев, хорош киснуть на скамейке, – нависла тень.

Юноша поднял голову. У Аслана была не борцовская фигура, вот в чем дело. Мощные плечи, руки и узкая, почти девичья талия. А вот двигался он как борец, видел Денис их тренировки.

– Предлагаешь покиснуть где-нибудь еще?

– Сыграть не хочешь?

Денис кивнул. У людей все как у зверей. Сначала на тебя смотрят издали, как на опасную новинку, потом начинают принюхиваться, осторожно трогать лапой...

Вот и его решили потрогать.

Он поднялся, встал в круг на площадке. Аслан и еще пятеро ребят из девятого «Б».

– Как играем?

Мацуев пожал плечами.

– По-сочински.

Таких правил Денис не знал. Значит, жди паскудства.

– Это как?

– Кольцо там, – кивнул Аслан за спину. – Каждый за себя. Отбери мяч, забрось в кольцо. Руками мяч не трогать. Забросил – очко, кто больше набрал, тот и победил. Играем до конца «тихого часа». Поехали?

Денис кивнул – а чего бы и не поехать?

Пока вроде без подвоха.

Мяч подлетел вверх, сверкнул в солнечном свете, налился светом и упал в центр круга.

Денис отпрянул, когда народ врубился в борьбу, дождался, пока людская волна сама вынесет мяч, который прилепился к чьему-то мыску ноги. Денис легко снял его, провернулся на пятке, сбивая с толку противника, поймал глазами кольцо...

Локоть врезался в челюсть, в глазах засверкала целая сотня мячей. Он осел на гравий.

Помотал головой.

– Эй, друг, ты как? – Аслан захолопал по спине, помог встать. В его темных глазах плясали веселые зайчики. Или это в глазах у Дениса все прыгало?

– Ты в норме?

– Вроде того, – вяло сказал Денис, потер челюсть. Вот сволочи, пришлось бы чуть выше и прощай зуб.

– Прости, друг, забыли сказать. Когда по-сочински играем, такое случается. По-мужски все. Без обид, хорошо, да? Мир, да? – Аслан протянул ему руку.

Высокий, на полголовы выше, шире его в плечах.

– Какие обиды, – ухмыльнулся Денис. Пальцы у него подрагивали.

В регби он играть не подряжался. Эти ребята его раскатают на площадке. Но и сливать нельзя, такое запомнят. Никаких шансов, разве только...

Справа от баскетбольной площадки – перекладины, лесенка, кольца. Можно попробовать.

– Так что, играем? – сверкнул улыбкой Аслан. – Москвич, ты как?

– Мяч бросай, да? – сказал Денис.

Глава восьмая

Гимнасий был в самом центре, и до дома Улита добиралась долго. Сначала на проводном возке по улице Суджукской республики, потом на разъездном по 1905 года, затем на улицу Народных героев и до конца по Никитинской. Ей было проще, у них была церковная льгота, половину срезали, так что выходило недорого. Но до конца Шестого ряда не ходила ни одна разъездная, так что Улита шла пешком в гору еще три квартала.

Смолокаменного покрытия здесь уже не было, только крупная белая щебенка, вбитая в желтую пыль. Пыльные палисадники с тусклой зеленью роз и сирени, приземистые деревья алычи, вцепившиеся в каменистую землю, сохнувшие вишни с голыми тонкими ветвями. Частные дома.

Впереди, перекрывая даль улицы, поднимался крутой склон Колдун-горы.

Во дворе было тихо, отцовской «Нивы» не было. Улита тихонько закрыла калитку, прошла под навесом, увитым виноградом, поднялась на крыльцо.

– А папа маму увез, – сообщил Гордей, встретив ее в прихожей. Мальчик шурился на солнце, пробивающееся сквозь белые занавески, и задумчиво слизывал с пальцев зубную пасту.

Улита подхватила его на руки и понесла в ванную мыться.

– У мамы живот заболел, и папа повез ее в родительный дом, – рассказывал Гордей, пока девушка его оттирала и закутывала в полотенце.

– Родильный надо говорить. А Вера и Надя где?

– Спят они там, – махнул Гордей в сторону спальни. – Папа сказал, как придешь, чтобы покормила. Чтобы дала мне бананы, ананасы, овощи разные. А еще...

Тут Гордей перешел на шепот, округлил глаза:

– Еще конфеты!

– А ты пастой не наелся? – улыбнулась Улита.

Бананов не было, Улита дала ему кусок хлеба с посоленным маслом, включила дальновид. Попала на «Честное зеркало», и Гордей вперился в шар. Крутили «Долгую дорогу к храму», бесконечную рисованную ленту про паломничество маленького богомола в Оптину Пустынь. Гордей любил его. Папа подключил набор «Малиновый звон», там был только Первый новостной, военный канал «Ристалище», «Честное зеркало» для детей и общецерковный «Благовестник».

Улита чуть убавила звук, заглянула в родительскую спальню, где на кровати тихо сопели близняшки Надя и Вера. Разбросав пухлые ручки, они навалились друг на друга, обиженно оттопырили губки – и были как один человек, встретившийся со своим отражением. Улите всегда было немного странно смотреть на них, они были так похожи друг на друга, что это казалось неправильным.

«Интересно, кто у мамы будет – мальчик или девочка? – подумала Улита. – Хотя какая разница – няшек все равно ко мне переселят. А малыш с Гордеем будут с мамой. Вот Гордей обрадуется...»

«Няшки» – так называли Веру и Надю в семье все, кроме папы. Он всегда хмурился и требовал «должного именованья, данного от Бога». Улита хихикнула, вспомнив папино серьезное лицо, круглые щеки, как он нервно пощипывает бороду, когда недоволен чем-то.

Пока его нет...

Улита юркнула в свою комнату, отгороженную тоненькой стенкой от родительской спальни. Узкая, как чехол для дешевого голосника, с одним-единственным квадратным окошком в торце. Кровать, стол, старый настольный умник, пять икон и книги – на всю длинную стену. Улита закрыла дверь, задвинула щеколду. Бросила сумку в угол.

Одним легким движением она коснулась умника, вывела его из спящего состояния. Вдела беспроводные наушники-вкладыши, надела старые очки. Папа думал, что она их выкинула, «бесовскую заразу». Как же!

Быстро, привычными движениями открыла скрытую папку, запустила самоучитель.

«Танго. Урок номер три, – шепнул невидимый собеседник. – Вы готовы?»

Улита улыбнулась.

Встала посреди комнаты.

Картинка замерцала, комната исчезла, вокруг встал танцевальный зал – столики по кругу, оркестр на помосте, приглушенный свет, высокие окна, сквозь которые в зал призрачным апельсином вкатывается аргентинская луна.

Первые звуки бандонеона сдвинули ее с места, Улита закружилась по комнате, четко обходя углы и выступы, как заключенный, который изучил свою камеру до мелочей за годы жизни.

– Раз-два-три, шаг и поворот. Раз-два-три, скольжение.

Косынка слетела на пол, Улита танцевала все быстрее, она обхватывала воображаемого партнера, улыбалась его невидимому лицу, отворачивалась, кусая губы, и поворачивалась к нему вновь.

– Раз-два-три, ганчо!

– Улита, ты там? Что ты там делаешь?! – в дверь громко постучали. – Открой немедленно!

Улита сорвала очки, зашвырнула под кровать, метнулась к умнику, закрыла самоучитель. Подскочила к двери и отомкнула щеколду.

Вошел отец, вдавил ее животом в комнату. Из-за его спины накатывал рев Гордея – тоскливый, на одной ноте.

– Опять прячешься?! – с порога завелся отец. – Мама в роддоме, Гордей до сахара добрался, с банкой в обнимку на столе сидит, а ты закрываешься?!

– Папа, я...

– Сколько можно говорить – не смей закрываться! Ты чем тут занимаешься?

– Я уроки делала...

– Врешь! – отец скрипнул зубами, развернулся, ушел. Улита бросилась на кухню: Гордей сидел под столом и орал во все горло. На щеке вспухал красный след.

Отец прошел в ее комнату с ломиком, в два удара сорвал щеколду. Улита даже с пола подняться не успела, так и застыла с Гордеем на руках.

– Не понимаешь по-людски, будешь жить с открытой дверью! – подытожил отец Сергей. – Слово отца – закон, а ты запираешься решила.

Он сел, бросил фомку на стол. Отдышался, грузный, утер лоб подрясником.

– Разве так можно? – вздохнул он. – У мамы осложнения, сказали, что не меньше недели надо лежать, а ты же знаешь, как у нас лечат – раз-два и на выписку. Еле договорился. Я же с ног сбиваюсь ради вас, а от тебя никакой помощи! Думаешь, мне в храме дел мало? Совести у тебя нет, Улита! Да уйми ты его! – грянул отец Сергей кулаком по столу. Гордей зарыдал еще громче, Улита прижала его голову, зашептала что-то сбивчивое, утешительное, хотя внутри у нее все ходило ходуном.

Она смотрела на отца, на его толстые руки, на живот, обтянутый черным подрясником, на клочковатую седую бороду, на короткие пальцы.

«Не могу, – подумала она. – Слышать его не могу».

На глаза попала фомка, Улита переключилась на нее, на ее ребристую рукоять, зазубренное навершие... Прижалась к Гордею, закачалась вместе с ним.

– Давайте помолимся о здравии непраздной Елены, – вздохнул отец. – Вставайте.

Улита поднялась, потянула Гордея.

– Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое...

Улита шептала слова молитвы, держала брата и смотрела на иконы.
Спас-Вседержитель, Богородица, Ангел-Хранитель.

Ангела написала мама. Он стоял на синем облаке и смотрел чуть в сторону, не на нее. В этот раз ей чудилось, что ноги у него в движении, словно он тоже танцует.

* * *

Катя шла, шептала про себя очередное, пришедшее по рассылке, Хельгино.

*Море было ласково ко мне.
Выходил из него витязь в броне...*

Она пробиралась тенистыми дворами, мимо сохнувшего белья на проволоке, срезала путь и шла под самыми окнами, переступая через окурки и высохшее собачье и человеческое гуано.

*...В чешуе, как жар, звал с собой,
Говорил – на дне тьма и покой,
Идем со мной.*

Она бы пошла, наверное.

За окнами длила себя каждодневная жизнь. На третьем этаже разгоралась привычная свара, женщина уже перешла на матерный визг, мужик угрюмо басил, отбивался. На первом жарилась на плите яичница, в стареньком, еще плоском дальновиде мелькала судебная постановка. Очередной внутренний враг, пойманный с поличным, каялся на строгом народном суде. В каждом окне все разное и все одинаковое. Катя слабо улыбалась котам и фикусам и шла, прошивала собой, как иглой, густеющую темноту.

Она чувствовала себя сталкером, проводником в этой сумеречной области старых посадок на Кутузовской. Каждый год говорили, что эти трехверховые домики вот-вот снесут с их тыквами, кабачками и подсолнухами в палисадниках, с корявыми лозами винограда, заплетающими подъезды, с их розами и крокусами, с двухверховыми пристройками к домам, какие нахальные обитатели Кутузовской самовольно соорудили в лихие девяностые прошлого века, вцепились и до сих пор не отдают, несмотря на все усилия властей.

Каждый год городской голова обещает смести этот рассадник болезней, оплот ветхого жилья, и переселить жителей в удобные посадки. Куда-нибудь подальше от городской середины, на Дикое поле, например.

Пока обещаний ни один голова не сдержал.

В подъезде было темно. Пахло сырой штукатуркой и кошачьей мочой. Катя прошла, не включая свет – все равно проводка перегорела, а починят ее, наверное, никогда. Она и с выколотыми глазами могла сказать – от вытертого железного уголка, какой вместо порога, четыре шага до лестницы. Справа – приоткрытая дверь в подвал, оттуда дышала влажная прелая темнота, душная и липкая. Оттуда выходили кошки и котята, старые кошки туда уходили. Подвал принимал кошачьих стариков и рождал кошачьих младенцев. У двери – блюдо с высохшими селедочными головами и потрохами хамсы. Катя и на том свете бы вспомнила запах этого подъезда – острый, душный, домашний.

Четыре шага до лестницы, побелка отлетает под пальцами. Вторая дверь на площадке. Коврик перед входом, приросший к полу. Деревянная дверь, крашенная густой коричневой краской – Катя даже в темноте ощущала этот цвет, цвет тоски и беспросветности.

Она открыла дверь тихо-тихо, как вор, прокралась в прихожую. Липкое покрытие прилипло к подошвам. Не разуваясь, прошла к себе.

Дверь в мамину комнату была закрыта, из-за стены доносился тонкий, с присвистом, храп. Катя могла бы орать и прыгать, все равно бы мама не очнулась. Пока не проспится, ее не разбудить.

И где она умудрилась угоститься? В доме ни копейки.

Катя села у окна, надвинула наушники. Отдернула шторы – в пыльное стекло упирал шершавые ветки абрикос.

Скорей бы цветень наступил, тогда он распустится. Потом ударят заморозки, и весь цвет облетит. Каждый год одно и то же.

Катя включила игрун, player, она его предпочитала так называть. У нее он был совсем старенький, древний. Тогда они выпускались как отдельные устройства.

Но играл исправно.

...Мама проснулась уже к вечеру, принялась возиться на кухне, греметь посудой. Зашкворчало на сковороде масло, потек запах жареной рыбы. Потом мама принялась шаркать под дверью – туда-сюда. Катя принюхалась, в животе заныло. После школьного обеда она ничего не ела.

Откуда мама еду взяла? У кого денег заняла?

Наконец мама провозгласила:

– Есть иди.

– Не хочу, – так же громогласно заявила Катя.

Мама затихла. Походила туда-сюда. Постучалась.

Катя открыла дверь.

– Чего?

– Курочка по зернышку клюет, а сыта бывает? – хитро поинтересовалась Алена Дмитриевна. – Иди, я мойвы купила, пожарила.

Катя всерьез забеспокоилась. До дожитного пособия у мамы было еще десять дней, обычно она в это время была злая и трезвая. Катя в это время ходила на цыпочках и дома только ночевала.

А тут мойва, помидоры, свежая буханка хлеба. Не к добру.

Катя села за стол, осторожно тронула вилкой серый, румяный по краям кусок мойвы, исходящий жарким паром. Разломил горбушку – свежую, она с изнанки проминалась под пальцами, а корка хрустела и осыпалась твердыми крошками.

Есть хотелось жутко.

Мама села напротив, сложила локти, уставилась расплывчатыми пьяными глазами. По лицу ее бродила нелепая улыбка.

– Как в школе дела?

Катя поперхнулась.

– Да нормально. Ты чего вдруг?

Мама поджала губы:

– А что, матери уже и спросить нельзя?

Катя промычала, вгрызлась в рыбу. Оторвалась она от тарелки, только когда подчистила до блеска.

– Вкусно! – вздохнула она. – А ты где деньги взяла?

– А у тебя в комнате прибиралась и нашла, за обоями, – беспечно махнула рукой мама.

Катя уронила вилку, метнулась в комнату. Вывалилась оттуда с белым лицом, вцепилась в линялый мамин халат:

– Где они?! Ты что... Ты мои деньги украла?!

Мать отпихнула ее.

– Какие твои деньги! – заверещала она. – Откуда у тебя деньги, соплюха!

– Воровка!

– Ты как с матерью разговариваешь, дрянь!

Катя отбила ее слабую пощечину, размахнулась... и опустила руку. Ноги ее не держали.

– Ненавижу! – она судорожно схватила воздух, в груди жгло, колото и билось. – Ненавижу, все это ненавижу. Этот город, жизнь, тебя... Да уйди ты от меня! Это никогда не кончится, я тут как в могиле! Как будто умерла уже!

– И нечего реветь! – неуверенно кричала мама. – Что ты сопли распустила? Это же надо, денег для родной матери пожалела, да я тебя выкормила! Выносила! На руках! Последнее отдала!

Ее крики становились все тише, мама беспомощно топталась рядом, носки у нее совсем распустились и сползли на костяшки. Катя смотрела на дырявые тапочки, на синие вены на ее ногах. Все расплывалось в глазах.

– Кать, да возьми ты их, – в руки ей упали смятые бумажки. – Черт с ними, с этими деньгами проклятыми, еще заработаем. Знаешь, как говорится – разве мы не суворовцы, разве мы не орлы?

– Да какая разница, все это бесполезно, – устало сказала Катя. Злость еще ворочалась внутри, как разбуженный дракон, укладывала свои бесконечные кольца, неохотно гасила пылающие глаза.

Но деньги она взяла.

Глава девятая

Ярослав пересек мост пешком. Он любил ходить, не хотел трястись в рабочей разъездной, которая развозила дольщиков по середине города, распыляла их, как рабочих пчел, по огромному улью города.

Там, откуда он шел, – лавки, трактиры, рынки, частные казны, набережная. Там хоромы городского головы с пустым квадратом площади, в центре которого подслеповато шурится гранитный Гатин. Там Бугры с их особняками, там новые посадки в Пшеде, где поднимаются башни многоверховых домов. Там жизнь.

А в их стороне – пристав, причалы, железнодорожное приемище с бесконечными сплетениями путей, на которых дремали стада ржавых возов-вагонов. Там два громадных здания хлебохранилища – новое, блестящее и старое, из темного кирпича, с выбитыми стеклами в узких высоких окнах, поросшее уже вплоть до крыши веселой цепкой зеленью.

В провалах между огороженными новенькими заборами закрытыми областями, опутанными колючкой и дальнобойными светилами, в пустотах между шестерней и валов огромного приставного механизма жила Федотовка. Одноверховые домики упрямо прорастали сквозь смолокамень и щебень, как бурьян. Древние, позапрошлого века хаты жались друг к другу, но каждая выхватывала под себя клочок двора, скудной каменистой земли на пологом склоне хребта. Хаты перемежались добротными, советского времени белокирпичными домами, сейчас просевшими уже, иссеченными ежегодной борой, которая холодными языками текла с горы. Ближе к Туапсинскому тракту вставали старые рабочие посадки, трехверховые дома, которые в советское время строили для рабочих пристава и растворных заводов, вгрызавшихся в горный склон.

Межу в конце моста он миновал, как тень, сыскари даже не повернулись в его сторону. Их интересовали машины, а с дольника-пешехода, кроме пробы мочи, взять было нечего.

Поговаривали, что скоро в Суджук введут пропускную систему, как в Москве и Питере, чтобы дольники не шлялись в нерабочее время по середине, а сидели у себя в посадках.

Но это вряд ли. Даже в Краснодаре такое межевание еще не ввели, а уж в Суджук... Застройка старая, народ за свои хоромки держится – не оторвешь, город как банка машинодела – все вперемешку, болты, гайки, шурупы, свечи зажигания, прокладки, винты, все не на своем месте, а как упало. Какое уж тут межевание.

Ярослав шел мимо длинных домов в пятнах обвалившейся штукатурки, обнаживших ветхие жилы деревянной обрешетки. На заваленных балконах сушилось белье. Вдоль дорог истлевали остовы машин – разутые, разобранные до скелета, брошенные владельцами во время Бензомора, когда ввели доли на отпуск топлива. Уже лет семь прошло, с бензином полегче стало, да и братский Китай помог с переводом машин на водородную силу – безопасные, бесшумные, китайские двигатели стояли теперь во всех возках и машинах. Ярослав шел мимо крохотных дворов, заплетенных виноградной лозой, в которых – поверх деревянных заборов, выкрашенных серой и зеленой краской, – он видел привычный хлам – ржавые холодильники, скелеты кроватей, доски, кирпичи, посуду, стоптанную обувь.

Все эти вещи, как в замедленной записи, казались Ярославу следами бесшумных взрывов. В каждом дворе взрывалась жизнь чьей-то семьи, каждая картинка – месяц, а то и год, осколки ползли сквозь тягучий воздух, пока внезапно не кончалась пленка.

Их домик был в самом конце улицы, дальше над ними поднимался крутой склон горы с зеленеющей травой. По склону вилась пыльная серая дорога, уходила на перевал, ползла по пологому хребту. Каждый раз, когда Ярослав смотрел на нее, лениво думал, что когда-нибудь поднимется по ней, будет толкать гору ногами, будет топтать ее загривок, с которого каждый год по ним прямой наводкой бьет бора.

«В выходные схожу», – подумал Ярослав, толкнул калитку. Вошел в дом.

Мама шила. Вытащила старую машинку и что-то яростно строчила – как из пулемета расстреливала рубашку. Лампа стояла почти впритык, но мама все равно пригибалась, в упор разглядывала стежки.

Ярослав тронул ее за плечо.

– Ярик, – Елена Андреевна подняла красные глаза.

– Ма, ты чего? – Ярослав поглядел на рубашку. Откуда она ее вытащила, ей сто лет в обед.

– Из школы звонили, ты ушел до вечерней проверки, – сказала мама. – Ты соображаешь вообще?

Юноша сел рядом.

– Слушай, ма, какая разница?

– Да такая, что придет СОД! Запишут тебя как нарушителя! А у тебя такой хороший гимнасий, тебе так повезло, что ты по испытаниям туда попал! Я до сих пор не верю. А ты не ценишь!

– Не страшно, – хмыкнул Ярослав. – У нас позавчера один парень от казачьего разъезда удрал. И ничего – поругали и оставили. А тут проверка...

– Ой, не знаю, не знаю, – покачала головой Елена Андреевна. – Ты уж там учишь, Ярик, такая возможность... Мне ваша классная сказала, что у тебя плохо все с учебой. Ты умный мальчик, я знаю. Ты же что угодно починить можешь, почему ты не учишься?

– Да все равно испытание не пройду, – беспечно сказал Ярослав. – На черта жилы рвать?

– Кто сказал, что не пройдешь? – вспыхнула Елена Андреевна. – У нас в стране каждому дается шанс! Если хорошо учиться, можно и зарплату поднять, и по службе продвигаться.

– Ну сдам я испытание, и что? – пожал плечами Ярослав. – Потом на Севере работать? Лед колоть для европейцев?

– А что, тоже работа, – воскликнула мама. – Вода всем нужна! Заработаешь, на Севере заработки хорошие. Вон сколько народу туда едет.

– Я там дуба дам, – заметил сын. – Нет, ма, я как-нибудь закончу девятый и пока. Отчаю!

– Господи, что же ты будешь тогда делать? – всплеснула руками мама.

– У Армена работать буду, он обещал взять на срочный договор, – уверенно сказал Ярослав. – В серую платить будет, но я пойду в училище, доучиваться. Так что тунеядцем не буду.

Елена Андреевна вздохнула.

– Не знаю, Ярик... Боюсь я.

– Чего?

– Да всего боюсь. Армен твой мне не нравится, всякая шваль в его мастерской ошивается. Боюсь, что ты... что с тобой будет...

Ярослав жестко сказал:

– Это не шваль, мама, это заказчики. Они деньги приносят. Армен правильный мужик. А насчет остального – ты не бойся, я не такой дурак, как отец. В тюрьме мне делать нечего.

Мама отвернулась, Ярослав поморщился. Опять про этого вспомнили, сколько раз зарекался про него не говорить. Гонись его из головы, а он все равно возвращается.

– Ты чего строчить принялась? – спросил он. – Тебе же вредно, глаза напрягать нельзя.

– Я же говорю, из школы звонили. У тебя учебная поездка завтра, а ты прогуливаешь. – Елена Андреевна прищурилась, посмотрела на рубашку. – Вот. Рукав застрочила и все пуговицы пришила.

Ярослав взял рубашку, провел пальцем по белой ткани, по неровно пришитым пуговицам. Прокашлялся.

– Да, ма, отлично все.

И тут до него дошло.

– Какая поездка?!

- Сказали, завтра в девять быть у школы и не опаздывать, – сказала мама.
- Вот черт, – сказал Ярослав. – Опять потащат в какой-нибудь музей.

Глава десятая

Аслан еще раз перечитал сообщение.

«НАМ НАДО ПОГОВОРИТЬ»

И о чем? Чего Жанке еще надо? Разошлись, значит все. Он бы и не стал отвечать, если бы не Локотькова. Верная подруга, приперла его к стене в школе и давай стыдить. Дескать, он поговорить с девушкой боится.

Времени просто жалко. Но если Жанке уж так приперло...

«Вернуться хочет, – подумал Аслан. – Поняла, что потеряла, дура».

Аслан оглянулся. Никого. Дружинники прошли десять минут назад, а казачьих разъездов здесь не бывает. Он вытянул из кармана сигаретницу. Вынул сигарету, сорвал обертку. На воздухе сработал самоподжиг, вверх потянулся тонкий дымок.

Юноша с удовольствием втянул запах. Настоящий табак, никакой искусственной дряни вроде сладкодима. Он бы курил трубку, но это слишком дорого. К тому же отец почует.

А эти почти без запаха.

«И где Жанку носит?» – он раздраженно оглядел пустой вечерний парк.

И чего она тут встречу назначила? По набережной могли бы пройти, например.

Аслан потер ноющее плечо – москвич хорошо ногой вцепил. Молодец, выкрутился. Все честно – продержался с мячом на брусках до конца «тихого часа», они его так оттуда снять и не смогли. А за полминуты до конца Денис просто отправил мяч в кольцо – и попал!

Аслан потянулся. На борцовском ковре он бы показал этому прыгуну.

– Привет.

Жанка стояла у качелей, смотрела темными глазами. Первое, что заметил Аслан с самого начала, с первой их встречи – эти глаза. Они тревожили и притягивали, хотелось смотреть на них постоянно. Крупные, темные, блестящие как вишни, он мог взять карандаш и, не глядя на ее лицо, начертить по памяти идеальный, как миндальное зерно, контур.

– Опаздываешь, – хмуро заметил юноша. – Чего хотела?

Жанка села в качели – старые качели на двоих, такой сварной барабан из труб, подвешенный на ободе, в нем две скамейки. Жанка забилась на одну, как птица в скворечник, сжалась.

– Чего молчишь?

Аслан вздохнул, залез на качели, сел напротив. На таких качелях они в первый раз поцеловались. И что, она думает, это что-нибудь изменит?

– Эй, так и будешь молчать? – он шутливо стукнул ее по коленке. – Зачем позвала?

Плечи ее дернулись, она повернула лицо в синюю темноту. Аслан покусал губу, потянулся, провел по волосам. Черные, блестящие, искрятся при свете фонарей, прилипают к ладони. Он пробежал пальцами по ее лицу – легко, раз-два-три, как будто отработывал гаммы на пианино. Растер влагу между пальцами.

– Вот ты глупая, да? – сказал Аслан. – Позвала, а сама сидишь, реवेशь и сказать ничего не можешь. Я тебе говорил, что так будет? Что ты гордая слишком? А ты...

– Я беременна, – глухо сказала Жанна. Рука у Аслана будто онемела.

– Уверена?

Жанка кивнула.

Аслан соскочил с качелей, заходил по площадке.

– Погоди, погоди, – забормотал он. – Погоди, как беременна...

У него было странное чувство, что ничего не изменилось, а мир перевернулся. Словно где-то в горах прорвало плотину, и к ним несется поток грязи и камней, и убежать невозможно,

и она вот-вот накроет, совсем близко, а здесь тишина, здесь все как обычно. Но на самом деле ничего уже нет, все сметено, все живет в долг.

– Ты точно уверена?

– Я три раза проверяла, – шмыгнула носом девушка.

– А как? – тупо спросил Аслан. – Ты что, пошла в лечебницу?!

– Для этого тесты есть, – сказала Жанка. – Так их не купить, но достать можно.

– А... – Аслан потер затылок, потом решил.

– А срок какой?

– Какой надо срок, – Жанна утерла глаза, посмотрела на него. – Боишься, что не твой?

– Я боюсь? Я ничего не боюсь! – разозлился Аслан. – Язык прикуси, да? Откуда я знаю, с кем ты гуляла после меня?

– Ни с кем я не гуляла, сам знаешь! – завелась Жанка. – Дома сидела, блевала. Понять ничего не могла, пока Катька тесты не принесла.

– Она что, знает? – Аслан замер. – Ты кому еще растрезвонила, дура?!

– Вот ты задержался. Боишься, папа твой узнает?

– Слушай, женщина, замолчи, – взвился Аслан. – Иначе плохо тебе будет, клянусь.

Жанна замолчала, но все смотрела на него своими оленьими глазами, лицо ее белым овалом таяло в сумерках – Аслан подошел, запрокинул голову и поцеловал ее.

– Не волнуйся, – шепнул он. – Разберемся. Не бойся. Может быть...

– Что?

– Ну, ты знаешь... можно... говорят... можно убрать его. За деньги. Я узнаю...

Жанка прижалась к нему лицом, заплакала.

– Я не хочу. Не хочу.

Она подняла лицо, потянулась к нему.

– Он маленький, мне его жалко. Он же твой...

– О чем ты вообще? – Аслан оттолкнул ее. – Вас не разберешь. Чего тебе надо? Это все просто, говорят, зуб вырвать больнее. Главное, деньги достать.

– Он не зуб, он твой ребенок, – глухо сказала Жанка. – Не буду.

– Совсем дура, да?! – Мацуев чувствовал, как внутри разгорается злость – на эту бестолковую Жанку, на этого ребенка. Откуда он взялся, почему сейчас?

Отец... если отец узнает. Нет, не узнает.

Аслан шагнул к ней, крепко взял за руки.

– Не буду, не хочу, не буду, – повторяла она. – Не буду. Он мой, ясно? Мой!

– Тихо, тихо!

– Скажи это.

Аслан не понял.

– Скажи, – повторила она. – Ходишь кругами, а сказать боишься. Скажи, чего хочешь. Скажи!

Он отшатнулся, поглядел бешеными глазами на светлое небо, на чаек, кружащих над ними. Их дальние крики надорвали облака и оттуда начал сыпаться мелкий дождь.

– Вот дура!

– Это ведь не страшно, не тебе же делать, – она усмехнулась. – Просто скажи – аборт. Ведь просто, да?

Аслан отвернулся, сцепил руки за спиной, потянул – на разрыв, до боли в пальцах. Отвернулся, чтобы не смотреть на нее, на ее лицо, белой свечой плавящееся в сумерках. Чего ей надо?!

Он вздохнул. Успокоился немного. И начал говорить, как вколачивать гвозди – чтобы поняла, чтобы до ее кучерявой головы дошло.

– Жанн, ты подумай. Вот ты его оставишь. И что будет? Ты же несовершеннолетняя. Это значит, тебе сразу красную метку в личное дело. Ребенка в приют, а тебя в работный дом – отрабатывать его содержание. А меня из гимнасия отчислят и тоже дело *закраснят*.

Аслан тут палку перегнул, отец его от красной метки отмазал бы. Но вот из гимнасия он бы точно вылетел. Но страшнее всякой кары ПОРБ то, что с ним сделает Хаджи Мацуев, десятник береговой дружины Особого приказа, если узнает о Жанке. Аслану уже три года как невесту сосватали, из хорошего тейпа, отец уже и выкуп почти выплатил, а тут такое...

– А мы с мамой будем его воспитывать, – вскинула глаза Жанна. – Она опеку выхлопочет. Аслан усмехнулся.

– Не потянете вы. Семья неполная, дольники, на счету полторы копейки. Какая опека? Нет, ребенка в приют, тебя в работный дом.

Жанка не ответила, опустила голову. Она плакала.

Аслан вздохнул, присел рядом, прижался губами к макушке. Ее волосы пахли розовым маслом, как всегда, и у него перехватило дыхание.

– Ты не бойся, заяц, не бойся, – прошептал он. – Есть у меня заначка, и на Новый год отец подкинет еще. Надо только узнать, где плод правильно вытравляют, чтобы без вреда. Только ты глупостей не делай, как ты любишь. Хорошо?

Жанка слабо кивнула.

– Вот молодец, – обрадовался Аслан. – А теперь давай домой.

Глава одиннадцатая

– Все равно не понимаю. Вот почему мы не можем взять детей из ПОРБ? Зачем вот этот огород городить с общероссийской школьной сетью? Отбирать детей, учить их на тренажерах... Все это очень затратно.

– Вы имеете в виду детдомовцев? – блеснул очками Гелий Ервандович. Сенокосов сморщился.

– Детских домов давно нет, дорогой профессор, есть учреждения ПОРБ по предупреждению сиротства, семейному устройству и общественному жизнеустроению. Прекрасные, хорошо оснащенные учреждения. Сотрудники, любящие свою работу и детей, там нет случайных людей...

– Детских домов нет, а детдомовцы остались, – перебил его профессор. – Вам не кажется это удивительным?

Полковник вздохнул.

– Чем вас эти дети не устраивают? С ними работают лучшие ученые, методики постоянно совершенствуются, у вас совершенно устарелое представление...

– Вы своего ребенка туда бы отдали? – хитро прищурился профессор и кивнул, не дождавсь ответа.

– Дорогой Олег Геннадьевич, если бы вы понимали, с чем мы имеем дело, то вам бы эта идея и в голову не пришла. Что такое «Невод», вы задумывались? С чем он работает?

– Это по вашей части, – повел пухлой рукой Сенокосов.

– «Невод» вторгается в материи гораздо более тонкие, чем кванты и бозоны, – сказал профессор Серебряков. – Когда мы запускаем установку, проникаем в лабораторию коллективного бессознательного, вламываемся в подсознание человечества и вытаскиваем самые устойчивые психоформы, которые создавались там столетиями. Вы помните того феникса? Вижу, помните. Термоядерный реактор под нашими ногами в сравнении с этой установкой – гребная галера. И без оператора ничего не выйдет, без оператора «Невод» – просто километры проводов и тонны кристаллов. Оператор – наживка и рыбак одновременно...

– И как из этого следует, что вам нужны дети из полных семей?

– Прямым образом! Все силы ребенка в сиротском учреждении уходят на то, чтобы сохранить психическое здоровье. Чтобы сохраниться. Сиротство – предельно травматическое состояние, в нем невозможно комфортно существовать. Можно только выживать, и поверьте, никакие воспитатели, одежда и игрушки этого не изменят. Исключения только подтверждают правило. Только домашние дети способны развить «зону свободного мечтания». Это условное название, как вы понимаете. Активную область психики, которая позволяет им входить в контакт с н-полем. Проще говоря, они способны мечтать в полную силу, способны поверить в свой собственный вымысел.

– А гимнасии вам зачем?! – воскликнул Сенокосов. – Тестируйте детей из обычных школ, из них и будем *рыбаков* делать. Так нет же, вы продавили многотысячный проект вашей «Новой зари», со всеми этими виртуальными театрами и уроками свободных искусств. Вы вообще понимаете, что эти гимнасии – красная тряпка для любого порбовца? Они же в каждом нашем слове крамолу чувят! Представляете, под каким мы давлением работаем? Только по суджукскому гимнасию ПОРБ запустил с начала учебного года три открытые проверки и два закрытых расследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.